
Владислав ЧЕРЕМНЫХ

ГЕНЕРАЛ

(один год его жизни)

Повесть

Бригада спецназа ВДВ высаживалась с вертолетов на аэродроме Гостомеля — от Киева рядышком, они его видели в иллюминаторы. Боекомплект под завязку, по два РПГ за спиной, и ноги пружинисто отталкивали антоновскую взлетную полосу. Полковник Абрамов привычно высаживался со своими бойцами, и запах дела кружил ему голову. Заняли периметр, перекрыли дороги, приняли бой и стояли столько, сколько надо, когда огонь лился потоком и бронезилеты в клочья. Абрамов видел, как горел «Мрия», — было грустно. Они выполнили задачу, они взяли аэродром — вот сейчас пойдут наши Илы!

Горячая волна навалилась справа, и осы захлестнули болью сознание. Он еще помнил, как бойцы несли его к вертолету, лупя длинными очередями в стороны, и гул пропеллера почти родного Ми-8. Потом была черная яма.

На полу лежал человек, укрытый зеленым солдатским одеялом. Бледное лицо его с закрытыми глазами безжизненно смотрело на тянущееся за иллюминаторами серое небо, на одеяле чернели пятна крови. Кажется, слышны мощные удары сердца — от них слегка вздрагивал заостренный нос полковника.

На скамейках с обеих сторон вдоль носилок сидели четыре бойца, они только что вырвались из боя и сидели еще не остывшие, злые, зажав автоматы между ног, уперев глаза в пол.

Вертолет зашел на посадку. Его раскачивало, он завис над землей, как будто боялся прекратить свое движение, наконец мягко коснулся земли — зеленая трава, только-только пробившая землю, прибывалась вихрем винта, песок несся по сторонам.

Военврач делал укол за укол. Сестричка стояла, как застывшая, и смотрела в проем двери вертолета, только что вырвавшегося из огня.

— Физраствор, быстро! — не смотря на медсестру, продолжая что-то делать липкими от крови руками, рявкнул военврач.

Та кинулась к «буханке», метнулась назад с мотающимися по сторонам пузырями физраствора. Боец склонился над серым лицом командира, автомат зажал на коленях намертво. Хлопнула задняя дверь «буханки».

— Все. Гони, — крикнул военврач водителю и сразу сестре: — В машину, помоги бойцу — у него контузия.

Владислав Леонидович Черемных родился в 1958 году в городе Краснокамске Пермской области. Окончил Пермский политехнический институт по специальности «Автоматизация производственных процессов». Публиковался в журналах «Волга XXI век», «Дон». Лауреат конкурса сценаристов «Золотой витязь» (2022). Живет в городе Перми.

Сердце все колотило и колотило, медсестра чувствовала эти удары и прижимала взлетающий на ухабах полупустой пузырь физраствора к тельняшке полковника в подтеках крови.

Вопрос дежурного боец скорее понял по губам.

— Полковник Абрамов, — не слыша себя, проорал он.

— Кладите вот тут, — прапорщик указал на землю возле дорожки.

Сестра поправила пузырь физраствора, сняла берет и так, зажав его руками, смотрела на человека, вынесенного солдатскими руками из огня.

Подошедший врач наклонился над полковником, взял за запястье, посмотрел глаза.

— Все, отвоевался, — устало бросил прапорщику, — оформляй, — и быстро пошел дальше.

Медсестра блестела глазами то на спину врача, то на лежащего рядом раненого полковника, которого, как сказал врач, уже нет. Она невольно засмотрелась на лицо человека — серое, с жесткими, как две палки, губами, с рыжеватой щетиной на щеках.

Боец не слышал слов врача, он смотрел недоуменно ему в спину и что-то говорил, его бледные губы становились твердыми и уже кричали, и лицо горело яростью. В воюющей тишине он продолжал орать и все шел за тем, кто подвел черту. Военврач устал поворачиваясь и посмотрел на бойца — контузия. А тот уже передернул затвор, и вой в ушах разорвала длинная автоматная очередь в небо. Потом была тишина, и только, кажется, ветер с гор прошелестел по госпитальному двору — магазин пуст.

— Мамочки, он глаза открыл, — медсестра, все сидевшая у полковника, увидела, как открылись обгорелые ресницы и в небо смотрели серые глаза. Она рукой почувствовала бешеный стук сердца — удар... удар... удар.

— Носилки. В операционную. Бегом! — проорал военврач.

Еще чувствуя запах спирта и тепло операционных ламп над собой, полковник услышал: «Господи, да у него крови-то нет... один физраствор».

Туман размыл все, и полетел полковник Абрамов в небо и падал в черную яму, но держался за жизнь, словно за страховочный конец вцепился зубами.

ТАДЖИКИСТАН. ПАМИР. 1990 год. Сентябрь

Альпинистская веревка терлась о серую стену, дрожала натянутой струной, рука отыскивала малейшую щель, было слышно тяжелое дыхание — на стене альпинист, движения его уверенны, но едва заметная угловатость говорила, что идет не взрослый альпинист, а подросток. Мальчишке тяжело, он полз на четвереньках, пропуская веревку через карабин, напарник сидел на вырубленной во льду полке и спокойно выбирал веревку — метр за метром.

Солнце, лед и склон горы — широкий, выпуклый, и по его кромке голубое небо — вот она, вершина. Мальчишка встал на колени, потом, опираясь на клюв ледоруба, встал с колен, широко расставил ноги, раскинул руки и, как будто желая обнять все небо, заорал: «А-а!»

На примусе в котелке кипела вода. Раскинув спальники на камнях, четверка альпинистов отдыхала после трудного дня. Абрамов-старший зашивал рюкзак — на мощном его плече синела татуировка раскрытого парашюта с гордой надписью «ВДВ». Владимир Иванович Абрамов командовал базой ГРУ в Горно-Бадахшанском районе Республики Таджикистан, недалеко от города Хорог. За свои почти двадцать пять лет службы прошел много, дослужился до звания полковника, имел сына Женю и жену Валентину, которая сейчас хлопотала с перекусом у шумящего примуса. На плоском валуне ее ловкой рукой уже были разложены куски наломанной лепешки с топящимися на солнце, тонюсено нарезанными ломтиками сала, и «золотой корешок» желтел,

дожидаясь закипевшей воды. Валентина была военврачом и командовала медицинской службой базы. Их сын Женька, раскинув руки, лежал между камней на спальнике. Четвертым альпинистом и напарником Женьки был лейтенант Александр Быков, которого вне службы называли Сашкой или Саней. Сашка брэнчал на гитаре и сглатывал слюну в ожидании перекуса.

— Жень, ты сегодня заработал значок «Альпинист СССР». Не умирай, — оторвавшись от рюкзака, решил растормошить сына Абрамов-старший

— Мм, — в полной прострации отозвался Женька.

Отец отложил рюкзак и по камням подобрался к сыну, сел рядом, рассматривая лицо мальчишки.

— Жень, ты у нас молодец. Гора твоя.

— У него еще много гор будет, — пропел голос матери.

— Еще?! — Женька приподнялся на локтях.

Отец протянул ему руку, а он ловко встал сам, как будто и не умирал сейчас на своем спальнике.

— Сань, сыграй что-нибудь.

— Сыграет, сыграет... Только давайте пить чай, — скомандовала Валентина.

— Что-то горчит, — подвигав усами, констатировал Сашка.

— Так я туда «золотого корня» положила. Побежим сейчас с ветерком, — пояснила хозяйка.

Изумрудный склон под голубым небом, синие горы в голубой дымке протыкают небо и каменными потоками стекают в каньон к шумящим талой водой ручьям — можно смотреть и смотреть, а они будут стоять вечно, и шум этот будет звучать не переставая. Четыре человека с альпинистскими рюкзаками шли по тому пахнущему полынью и эфедрой склону — навсегда Женька запомнил это.

Август 1992 года. ДУШАНБЕ

Обрамленная листвой нависающих платанов, улица Ленина лучом уходила от железнодорожного вокзала в город. Пирамидальные тополя играли золотистой листвой в лучах солнца, и опавшие листья уже желтели под ногами душанбинцев, а симпатичные душанбинки, смешав восток и запад, цокали каблукочками босоножек по асфальту. Мимо, уцепившись усами за провода, летел троллейбус, а за ним под засыпанным сухими листьями навесом дымила шашлыками чайхана, и пахло дымком, журчала вода из фонтанчиков, пузатый фарфоровый чайник в паутине голубого орнамента в компании со стопкой пиал ждал готовности зеленого чая, блюдо с горой плова царствовало посередине достархана, и люди в похожих тюбетейках мирно разговаривали о своем — полдень в Душанбе, так должно было быть всегда. Но над разрезанной дыней летали пчелы — их звон становился сильнее и сильнее. Тягучая, насадная мелодия из кассетника уже становилась чужой. На улицы ворвался скрежет танковых траков, сизый выхлоп душил запахи августа, и звон пчел перекрыли пулеметные очереди. Беззащитный троллейбус оторвали от проводов, и его усы разлетелись в стороны. Запахло смертью — это когда на твоей улице, на асфальте, который ты по нескольку раз в день поливал водой, течет кровь.

Нормальность пропала — как пропасть отделила, и оглядываться не надо.

* * *

В военном городке прочно сохранялся довоенный порядок: казарма, аккуратные дорожки с побеленными бордюрами, плац, советские плакаты, спортивная площад-

ка в окружении подстриженной акации, по периметру наблюдательные вышки и синие горы за ними.

Солнце только-только начинало подниматься из-за гор, а свежий ветерок еще не пускал пекло на базу. На плацу по пояс голые солдаты выполняли комплекс утренней гимнастики. На спортивной площадке старослужащие гремели железом, колотили руками и ногами по мешкам. Было обычное армейское утро. Война там, внизу — тут порядок и надежность, именно так они дослужили до марта 1993 года.

В то утро, как и в любое другое, Женька Абрамов, по пояс голый, покрытый бронзовым памирским загаром, в коротких шортах из обрезанных джинсов, в туристских ботинках набегивал свои километры по дорожкам вокруг базы. Он сделал последнее ускорение на тягуне к спортивной площадке и, шумно дыша, блестя потом, не торопясь зашагал по беговой дорожке.

У перекладины сержант проводил занятие с молодыми. Двое стояли, ожидая своей очереди, третий болтался куриной тушкой, повторяя своими начищенными берцами движения велосипедиста.

— Здорово, Женька, — сержант за руку поздоровался с подошедшим к перекладине Женькой, — ну ты посмотри на это, — сына, помочь тебе? Я сейчас помогу, — плечистый, в итальянских солнцезащитных очках, высушенный горами сержант примерился дать молодому на перекладине под зад, — сейчас, сына, ты у меня взлетишь, — он уже отвел левую ногу в третьей кроссовке «Adidas», чтобы влупить по отвисшему зеленому заду молодого. А тот, понимая, что ускорение ему придадут больше необходимого, вдруг рванул вверх изо всех сил — он там, подбородок выше перекладины, голова стриженная, глаза круглые и, кажется, радостные.

— Вот, — сержант обошел вокруг рядового, встал перед ним, — смог ведь. Встать в строй! Жень, покажи молодым, как надо.

Женька молча, легко запрыгнул, покачался на упругой перекладине и сделал подряд подъем переворотом, склепку, выход силой, потом раз пять легко подтянулся и хитро спрыгнул с разворотом.

— Учитесь, сынки, — сержант опустил очки на кончик носа, открыв голубые, как полоски его тельняшки, глаза, — если физику за ближайшее время не подтянете, сдохнете тут. Советую бросить курить. Следующий.

А Женька пошел по площадке мимо мешков с песком и красиво, с разворота бабахнул ногой в самый верх ближайшего, потом еще и еще раз. На глухие удары выглянул усатый прапорщик и пальцем подозвал Женьку.

— Иди-ка сюда.

— Доброе утро, товарищ прапорщик, — как положено, поздоровался Женька.

— Доброе, доброе. Красиво работаешь. В Гуливуд бы тебе, — и вдруг ехидно так хлестнул парня ладонью по щеке. — Танцуй! Че глазами-то сверкаешь? — и еще раз с другой руки: — Танцуй!

Вот так Женьку учили жить. Танцуй — и он не закрывал глаз.

* * *

В то мартовское утро полковник Абрамов собрал офицеров базы. С обеих сторон длинного стола сидели советские офицеры — песочного цвета рубашки с короткими рукавами, запах одеколona «Шипр», понятные только им утренние шутки перед службой. С ними сидела начальник медицинской части базы Валентина Абрамова — невысокая блондинка с нежным лицом, коротко подстриженными волосами.

На стене между окон портрет Че Гевары — не тот знаменитый, а черно-белый с сигарой, короткая стрижка, очки, выбрит. На противоположной стене раскинулась большая карта Горно-Бадахшанской АО. Было слышно тиканье часов.

— Год будет жарким, — полковник Абрамов говорил и смотрел каждому офицеру в глаза, — идет гражданская война. Оставшихся гражданских отправляем в Россию. Вертолеты из Душанбе, видел, прибыли. Завтра двумя бортами всех в Душанбе. Капитан Быков, у вас все готово?

— Так точно. Гражданские собираются. Помогаем, — Сашка вытянулся над столом из-за плеча соседа.

— Проверь готовность лично. Вылет завтра, — Абрамов сделал паузу, — время уточню позже. Возьмешь двух бойцов. Вернетесь, когда отправите людей в Россию.

— Есть. Только б горючку нашли, а то добираться назад хлопотно будет.

— Потому и говорю, чтобы бойцов взял.

Полковник снова обвел взглядом каждого из присутствующих, встал, подошел к карте.

— Вот здесь духи взяли наших погранцов... Шестнадцать человек, — полковник пальцем ткнул в перевал, повернулся к сидящему за спиной заму, — Василий Семенович, доложи, что произошло.

Крепкий майор с гладко выбритой головой навис над столом и, не отводя глаз от столешницы, начал доклад:

— Группа бойцов Хорогского погранотряда N-ской погранзаставы в составе шестнадцати человек вышли на задание. Под перевалом Акташ попали в засаду.

Абрамов оборвал майора:

— Смотрите, — он с силой ткнул пальцем в карту, — там можно было организовать прикрытие. Я знаю этот перевал. Семеныч, по делу!

Майор поднял свои черные глаза и уперся в Абрамова.

— У пацанов мало горного опыта. Да и снаряжение там нужно. Броники по шестнадцать килограммов таскают.

— Ты мне это говоришь? Не пацаны они. Почему сложили оружие? Кто командовал группой?

— Капитан Иванов, нормальный офицер. Пожалел он ребят.

— Кто их пожалеет у духов в яме? — Абрамов вернулся к столу. — Товарищи офицеры, нам помощи ждать не приходится. Горючку по капле выпрашиваем. Мы на крайнем рубеже. Объясняйте это личному составу. Мне что, радио запретить слушать?! Если погранцов уведут за Пяндж, будет поздно. Пожалел... — Абрамов сел за стол, — необходимо быть на заставе и разобраться на месте. Пошли своих разведчиков прошерстить дорогу. Выход... — полковник не давал ответ, он думал, считал время.

Валентина как начальник медицинской части заговорила строго-официально. Ее мягкий голос прервал тяжкую тишину.

— Товарищ полковник, на заставе есть тяжелораненый. Он может не выдержать транспортировку. Необходимо делать первую операцию на месте. Мне необходимо ехать с вами.

— Поедем вместе. Вопросы? — полковник ждал еще один вопрос, и все знали и ждали.

— Сейчас потекли ледники. На маршруте есть селеопасный участок, — прозвучало над столом.

Абрамов принял решение и сказал, как отрубил:

— Выход завтра в пять ноль-ноль, капитан Быков, вертолеты задержать до нашего возвращения. Все, совещание закончено.

Офицеры начали вставать, стулья скребли по полу. Валентина сидела у двери и пропускала мужчин на выход — было ясно, есть вопрос, который никак не решался дома.

— Товарищ полковник, есть вопрос, — обратилась Валентина и официально посмотрела на мужа, а он посмотрел на нее и вдруг улыбнулся и подмигнул жене.

— Валь, все нормально, — его всегда смешили ее строго поджатые губы, — транспорт дали, ничего не меняется. Завтра вы с Женькой летите в Душанбе. Это не обсуждается. Замена тебе прилетела. Познакомились?

— Да. Молодой парень. Опыта нет.

— Ничего. Наберется.

— Может, задержимся еще? Хоть недели на две. Парня в курс дела введу.

— Исключено! Обстановка очень сложная. Возьмешь его сейчас на заставу. Пусть учится. Все, Валентина, марш домой, в Россию. Женьке, наконец, надо нормально учиться. Дед дома один. Здесь опасно.

Валентина стояла у окна, молчала и упорно разглядывала огромную арчу. Было слышно ее громкое дыхание. Абрамов подошел к жене, ткнул ее носом в маленькое ушко.

— Валь... Ты же сама все понимаешь. Прорвемся.

Валентина поправила свои льняные волосы, обернулась и положила свои руки на плечи полковника.

— Володь, я все собрала.

* * *

На скамейке рядом со штабом сидели два бойца — сержант и ефрейтор. У их вытянутых ног в начищенных берцах лежали спортивные сумки с одинаковыми надписями «Динамо». Сержант похрапывал, откинувшись на жесткую спинку скамьи, — панамы закрывала его лицо от уже начавшего палить солнца. Ефрейтор читал книжку. При появлении офицеров ефрейтор ткнул товарища в бок, и они оба мгновенно встали. Лица у обоих были как у именинников, они то ли жмурились от играющего сквозь листву солнца, то ли улыбались встрече — наверное, и то и другое. Дома, свои. Кто-то из офицеров присвистнул: «Ты смотри, отпускники вернулись».

Бойцы, по-дедбельски раскачиваясь, отбили шаги к офицерам. Сержант, кинув руку к панаме, доложил старшему:

— Товарищ майор, сержант Польшгалов и ефрейтор Олюнин прибыли из отпуска.

— Уж и не чаяли вас увидеть. Как добирались? — блестя головой и ехидно улыбаясь в усы, спросил майор.

— Из Ташкента до Душанбе самолеты не летают. Поездом, через Термез, товарищ майор. От Термеза до Душанбе тоже на поезде. От Душанбе повезло, на вертолете.

— Вольно. А дома чего ж не остались? Могли бы в России дослужить.

Сержант замаялся. Майор зыркнул на ефрейтора.

— Ефрейтор Олюнин.

— Я.

— Петь, ты же лесовик, тебя же в горах тошнило.

— Да погоны не хотелось менять, товарищ майор. Ну и присягу ж давали.

— Ну-ну, барсы наши снежные, — майор достал из кармана платок, протер голову, надел фуражку офицера Советского Союза, — рады видеть.

Дембелей окружили, всем хотелось знать, как там внизу.

— Ну, как там в Душанбе?

— Да ничего. На улице Ленина танки. В кинотеатре «Ватан» вот такая дыра, — ефрейтор показал руками дыру в известном всем кинотеатре.

— Стреляют?

— Нет. Все тихо.

* * *

Валентина с молодым врачом после операции вышли покурить на ступеньки лазарета. Во время операции и сейчас она наблюдала за парнем и радовалась смене.

— Где практики набрались? — спросила она.

— Да какая практика. Сеченка, в скорой поработал. В девяностом летом в горы ходили по Южной Киргизии. Спустились в Узген, а там... Ну знаете, киргизы с гор спустились и узбекам секир-башка сделали. Лужи крови, головы на заборах — вот там практика случилась.

Абрамов понимал, что надо бы остаться на заставе и выйти под утро, но вертолеты задерживать не хотелось. Он переговорил с майором, и решили ехать — прорвемся. Обедать не остались, торопились на базу. На первой машине были сам полковник Абрамов и Валентина, на второй — майор, новый военврач с прооперированным пограничником.

Солнце заходило за горы, как за ресницы, тени росли, пересекая путь. На броне сидели бойцы, они наслаждались движением, подставляли лица свежему ветру, напоенному запахом арчи и весеннего многотравья, но зорко смотрели по сторонам.

Так они ехали среди готовящихся ко сну круч, уже ждали увидеть на спуске ворота своего КПП, когда со склона на дорогу перед первой машиной повалились камни, а потом хлынула серая волна грязи и, как игрушку, развернула первую боевую машину к пропасти. Кого винить? Уже давно там не вели работ по селезадержанию. Как и страна, горы текли мутными потоками из воды, камней и грязи, убивая вокруг все живое. Полковник Абрамов успел распахнуть люк, но его накрыла холодная жижа, а дальше все полетело в черноту. Задний БТР встал, а потом дал задний ход. Сшибая придорожные камни, только умелыми руками водителя и везением машина вырвалась из под потока, и пока они неслись назад, бойцы видели, как сель сбрасывает товарищей в пропасть, как первый БТР в потоке грязи, ломая арчевник, летел в пропасть.

* * *

Из круглых иллюминаторов глядели знакомые лица гражданских с базы. Женька стоял с Сашкой у трапа и все никак не хотел взять за ручку материнский чемодан и подняться. Свежий ветерок с гор трепал его светлые волосы — парень словно застыл, глаза были полны слез.

— Я приеду к вам с дедом... Женька? Не молчи, — попытался утешить парня Сашка. Женька стоял сгорбившись и смотрел на синие горы.

— Пора, — Сашка запустил время.

Стояли молча, резко, неумело схватили друг друга руками. Женька уже не мог сдерживать себя, слезы текли и текли по щекам, и сквозь сжатые губы вырвался стон.

* * *

Поезд летел по пригороду уральского города. Женька стоял у окна с альпинистским рюкзаком за плечами и материнским чемоданом у ног. Рядом, опираясь на палку, стояла полная пожилая женщина. Они смотрели в окно, зрочки летели за силуэтами голых деревьев. Урал встречал дождем со снегом. Серое небо давило низкими тучами, а под ним мелькали деревянные и кирпичные грязные дома, недостроенные и разрушенные корпуса промзоны.

— Немец прошел, — тихо сказала попутчица.

Поезд ворвался на железнодорожный мост через Каму, и полетели фермы андреевскими крестами, а внизу катилась серая вода, заливая и берега, и набережную, только шпиль собора рвался ввысь, подпирая серое небо.

— Все, приехали, — сказала попутчица и покатила свой чемодан по проходу в тамбур. А Женька остался стоять у окна, прижавшись лбом к прохладному стеклу.

Незаметно поезд вкатил к перрону. Полетели лица встречающих, частники с сумками засновали вдоль вагонов, предлагая пирожки, водку, кефир. Среди толпы Жень-

ка увидел знакомое лицо деда: с трубкой во рту, зажатой между твердых губ, стройный, строгий, в поношенном плаще, в шляпе, глаза ловили нужный вагон. Вагон медленно прокатил мимо и встал.

Попутчицу подхватили крепкие руки сына или зятя, поставили на перрон. Женька механически подал в протянутые руки чемодан бабули, а сам все смотрел, как сквозь толпу спешил дед. Они встали в шаге друг от друга, мгновение стояли, и тут дед не выдержал, кинулся к Женьке, сгреб его руками и прижал к себе, и Женька прижался крепко-прикрепко. Слез не было, оба держат форс. За дедовой спиной Женька видел, как попутчицу встречали родственники: внучка схватила бабушку за ногу, дочь целовала мать, а та рада, повернулась, желая всех видеть, заметила Женьку и вдруг улыбнулась: мол, держись.

Дед легко подхватил чемодан, и они пошли по платформе в вокзальной толпе, мимо сидящих у стены вокзала нищих. Под лестницей перехода через пути им попала стая бездомных грязных, жалких волчат — пацаны проводили деда с внуком, кажется, тихим рычанием, а кто-то смотрел беззащитно, вытянув худую шею из грязного ворота.

— Кто это? — спросил Женька.

— Это дети. Бездомные.

* * *

Прихожая дедовской квартиры встретила Женьку знакомым запахом табака и яблок. В гостиной, как из прошлой жизни, на стене висели старые фотографии: дед еще молодой с бабушкой, дед где-то на буровой с рабочими. Большая картина с корзиной сирени занимала центр стены над пианино. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами: Сервантес, Чехов, Герберт Уэллс, Иван Ефремов, Обручев, книги деда по геологии. На другой стене у письменного стола карта Советского Союза.

Женька достал портрет Че.

— Надо куда-то повесить.

Дед взял портрет, поджал губы.

— Володькин. Повесим в отцовской комнате. Теперь она твоя.

В комнате отца над письменным столом у окна торчал гвоздь — они туда и вернули команданте.

— Не пойму, почему Володька именно этот портрет Че везде с собой брал?

— Маскировка тут у Че классная.

В отцовской комнате напротив письменного стола стояла витрина с коллекцией дедовых камней, которую он собрал за почти сорок лет своих странствий.

— Мы с бабушкой камни перенесли сюда. Не возражаешь? — дед шагнул к витрине. — Большая часть наши, уральские.

— Не возражаю, — Женька прижался носом к витрине, как в детстве, и жадно смотрел на знакомые камни. — Дед, ты не будешь меня ругать за то, что я носом прижался к стеклу?

— Бабушка уже не поругает, — дед прижался к стеклу рядом, — я сам люблю так смотреть на них, — он глазами показал на ярко-зеленый камень, как будто Женька мог видеть устремление его глаз, — смотри, это яшма с Южного Урала.

— Он как глаза мамы.

— Да, — дед отошел от витрины, подчеркнуто деловито засунул руки в карманы, — сейчас уже конец учебного года, но я договорился. Будешь ходить в ту же школу, что и отец. Это очень приличная школа, английская. Туда проще поступить, если родители тоже учились в ней. Класс восьмой «А». Классным руководителем у тебя будет классная Володьки. Алла Павловна — учитель математики.

За окном сыпал мокрый снег. Влажный весенний ветер трепал занавеску. Дед прикрыл форточку.

— До конца года уже немного. Скоро каникулы. Не подведи. Давай спать.

* * *

По широкому школьному коридору Женька шел с Петровой Аллой Павловной, которую класс называл просто Алла. Лет шестидесяти, худенькая, в строгом жакете с белой блузкой, очень похожая на актрису Ию Савину, Алла была чуть выше Женькиного плеча, и пока они шли через коридор до класса, она поймала себя на мысли, что не она его ведет, а он ее. Дверь открылась, и два десятка будущих одноклассников, как на лабораторном стекле, уставились на Женьку. А ему вспомнился строй новобранцев на железнодорожном вокзале в Душанбе прошлой осенью, только две девчонки в среднем ряду все портили. Одна под «Барби», вторая с култышкой на голове, как у гимнасток, — они осмотрели Женьку от головы до башмаков и что-то чирикали между собой.

— Здравствуйте, ребята, садитесь, — пока класс садился, Алла подошла к первому столу в среднем ряду, — представляю вам нового одноклассника — Абрамов Женя. Он будет учиться в нашем классе.

Женька стоял и рассматривал лица, но его все время сбивали эти две подружки, они просто ломали его серьезный настрой.

— Жопа Абрамов, — вдруг услышал Женька громкий шепот с камчатки. Это объявил высокий парень со смеющимся взглядом, вытягивая длиннющие ноги в проход, — его звали Алексей Блинов или просто Блин. Класс грохнул от смеха. Сосед же длинного Мишка Манн или просто Мануля, худющий мальчишка с вьющимися волосами, смотрел поверх очков и не смеялся.

— Я думаю, мы должны быть гостеприимными, — оборвала галдеж Алла, — а тебя, Алексей, я жду сегодня на факультатив. Кстати, прошу желающих приходить.

Блин, широко раскинув плечи, чесал затылок.

— Женя, вот твое место, — Алла показала на свободное место за предпоследним столом, стоящим в ряду у окна. Там у окна сидел Суханов Пашка — белобрысый крепкий парень с торчащими волосами, которого называли Сухарь.

— Одет как чмо. Совок, — долетело до Женьки сзади, из центра, когда он шел на место. Это опять те две подружки — Таня и Лена с култышкой.

— Которая сказала это? — ему не хотелось, чтобы та, с култышкой.

Сухарь положил ногу на сиденье и спокойно наблюдал за новичком.

Опять перед глазами строй новобранцев.

— Ногу убрал, — спокойно, но очень понятно прозвучало в классе.

Сухарь только ухмыльнулся без злобы, но ногу нехотя убрал, а Мануля, взъерошив свои кудри, поправил очки и сказал Блину, а получилось на весь класс:

— Генерал.

Алла оглянулась, легкая улыбка скользнула по ее обычно строгому лицу, и вышла.

* * *

Тополя только-только начали покрываться зелеными листочками, они играли на солнце под майским ветром, и воздух был наполнен смолистым запахом тополиных почек. Дворник-таджик белил известью толстые стволы старых тополей. Побросав пальто, ранцы на крыльце школы, по двору носилась вырвавшаяся на свободу малышня — их крики заглушали бегущие по улице Мира трамваи. Вот раздался звонок,

школьные двери распахнулись, и старшеклассники не спеша повалили на улицу. Женя вышел со всеми, но ни с кем не задержался и пошел мимо уже побеленных деревьев к разбитому проходу в ограде — так было ближе. Еще с крыльца он заметил заломленную на затылок тубетейку дворника и, проходя мимо, встал рядом.

— Салом алейкум, — само вырвалось у Женьки.

— Ассалому алейкум, — ответил таджик, разгибаясь от дерева, и машинально вытер руку о штаны.

Они пожали руки и, не сговариваясь, сели на корточки.

— Номат чи? — спросил Женя.

— Файзулло. Здесь меня зовут Федей. Я могу говорить по-русски.

— Евгений, — представился Женька.

Файзулло вытащил пачку «Примы».

— Куришь?

— Нет, не люблю.

Файзулло привычно зажег спичку, раскурил сигарету и глубоко затянулся.

— Давно в России?

— Уже год, — Файзулло затягивался и сплевывал крошки табака, — я уехал сначала в Москву, потом сюда.

— Откуда ты? — спросил Женька и почему-то ждал, что ответ будет Харог.

— Из Пенджикента. У меня там жена, дочь и сын остались. Я учителем труда работал. Сейчас вот здесь тоже в школе дворником. Ночлег дают. Деньги дают. Немного могу домой отправлять. Ты откуда язык знаешь?

— Так... знаю.

Сидели молча. Файзулло докурил, плюнул на окурочек и аккуратно положил его в карман. Женька встал, за ним поднялся и Файзулло.

— Меня здесь Федей называют. Я при теплице живу. Теплицу почему-то разрушили, а в подсобке можно жить. Заходи, когда захочешь.

— Хорошо. Хоп, — Женька протянул руку для ответного шлепка.

— Хоп, — таджик с удовольствием шлепнул по Женькиной ладони и расплылся широкой улыбкой, оголившей желтые крепкие зубы.

Женькины одноклассники, с которыми он не успел познакомиться, еще тусовались перед школьными окнами, удивленно поглядывая на него, а ему и не хотелось сейчас знакомиться. Он простился с дворником и один пошел по кратчайшей дороге. Солнце, игравшее сквозь тополиные ветки, слепило ему глаза, а может быть, защипало глаза, но этого никто не видел. Женька оглянулся на дворника. Тот смотрел ему вслед, ладонью прикрывая глаза от солнца, тубетейка по-таджикски прилипла к затылку.

* * *

Учебный год быстро-быстро подкатил к концу. Все разбежались, и Женька ушел на каникулы, так и не запомнив имена одноклассников. Еще с мая Женька с дедом начали ездить на дачу, а точнее, мичуринский участок, полученный дедом от университета, — там они посадили картошку, которая помогла бы им жить на преподавательскую зарплату деда. Вечерами они разводили костер и подолгу сидели на полешках, подставляя лица жару огня. Дед раскуривал от головешки трубку и рассказывал про свою жизнь геолога-поисковика, надеясь, что Женька выберет его профессию, но больше они молчали, огонь плясал в их глазах, за спиной мрак, и никто им был не нужен.

Уже в августе они приехали в город от зарядивших дождей пораньше, и Женька вдруг сел за пианино. Оно стояло в гостиной, покрытое строченой накидкой, и не от-

кывалось с последнего приезда семьи Абрамовых года два. Тогда мать Женьки играла популярные песни, а все сидели и пели, потом Женька что-то исполнил — бабушка была не седьмом небе.

Женька нажал на клавишу и слушал звук, потом положил ладонь на клавиатуру и нажал — резкий звук вырвался из-под пальцев. Женька оглянулся на деда — тот стоял, прижавшись щекой к косяку кухонной двери.

— Жень, какие у тебя рожки торчат. Представь, что ты держишь в руке яблоко. Рука должна быть круглой. Давай снова, — услышал Женька голос матери. Он поднял руку, сделал овальной ладонь и заиграл что-то из «Машины времени».

Именно в этот момент раздался один уверенный звонок в прихожей. Дед поспешил открыть, кто-то вошел, голос деда и вдруг знакомый голос — все, стул в сторону, Женька метнулся в прихожую — на пороге стоял Сашка. Какой родной была мокрая от дождя Сашкина куртка — Женька уткнулся в нее носом и прижимал друга сильно-пресильно, как только мог.

— Дед, это Саня, — обернулся внук к деду.

— Александр Быков. Имел честь служить под началом вашего сына, — чуть смущаясь, представился Сашка.

Дед протянул руку и расправил плечи так, что и бабушкин фартук оказался к месту.

* * *

Они сидели на кухне под розовым абажуром за дедовским ужином. Дед по этому случаю достал бутылку водки, наверно, еще андроповских времен, содрал пробку и разлил в две граненые стопки — выпили молча и не морщась.

— Как там ребята? — спросил тихо Женька.

— Ликвидируют нашу часть. Приехали из управления двое в о-огромных фуражках. Сказали, что часть наша не нужна. Ну почти так сказали.

Дед сидел сторбившись и все переключивал на столе перед собой то вилку, то нож. Он всегда, всю жизнь что-то делал, понимал, видел цель, а теперь он глядел на Сашку и тонул. Он хотел почувствовать хоть маленький уступчик, на который можно было встать, хоть облачко, за которое можно было удержаться, но... время, время, и, как домик из песка, рассыпалась надежда на стабильность, дед сидел за столом спиной к плите и смотрел на пианино в открытую дверь.

— А как же те шестнадцать погранцов? — услышал дед Женькин вопрос.

— Человек десять успели обменять на пленного полевого командира, остальных с офицером за Пяндж увели.

Дед снова разлил водку.

— Давай, Александр, еще.

Дед выпил, сунул в зубы трубку, раскурил.

— К нам надолго?

— Завтра на поезд и в столицу.

— И какое же назначение ожидается?

— Выбор простой. Либо в ВВ, либо в отставку. Короче, из разведки в вертухаи.

— Сейчас вертухаев нет.

— Не знаю. Меня учили другому...

Во время разговора Женька сидел тихо. Он вообще был приучен не вступать в разговор старших, а тут душа рвалась, а слов не было.

— И куда офицеры уходят? — спросил дед.

— А кто куда. Приятель с ферганской базы в Соликамск едет. На родину.

— А вы?

Сашка внимательно посмотрел в глаза деда.

— К сербам в Боснию.

Дед встал, подошел к окну, дымил, долго смотрел в промокший от дождя двор. Женька вытянулся в струнку, глаза горели. «Что ты молчишь, дед?» — хотел он крикнуть.

— Туда вроде не посылают? — не оборачиваясь, спросил дед.

— Если ходить туда, куда у нас посылают?

Дед, пустил струйку дыма в открытую форточку, обернулся — трубка торчала в зубах, — и то ли от запаха «капитанского» табака, то ли просто был вечер — всем захотелось есть.

— Еду на три месяца. Для матери и сестры я в командировке. Посмотрю на братьев славян. Опыта наберусь. Может быть, когда и России пригодится, — уплетая атлантическую селедку с картошкой, пояснял Сашка.

— Значит, в отставку.

— Подкатывал тут к нам один генерал. Искал боевых ребят на дело правое. Эх... У нас, конечно, власть пидрастическая, но в России я стрелять не буду.

Дед смотрел на молодого человека и все пытался поставить себя на ту же черту, на которой сейчас стоял Сашка, — нет тут меня, мне смотреть из окна да почтальона с пенсией ждать, — он положил трубку, взъерошил седые волосы.

— И все? — Тут он услышал свой голос: — В кого стрелять... и за что?

Женька слушал разговор с горящими глазами, он даже вспотел и вдруг выпалил, вытянувшись над столом, в глаза Сашке:

— Возьми меня с собой.

Дед боялся этих слов внука и ждал.

— Цыц! — шепотом оборвал внука. — Ты последний в роду Абрамовых. Я уж не говорю, что тебе надо учиться. Ты последний. Понимаешь, Евгений?! — Дед снова встал и стал раскуривать непогасшую трубку. — Думать, думать, думать! Ты должен научиться думать. России сейчас тяжело. Но это пройдет.

— Само собой не пройдет, — Женька сказал это, выделяя каждое слово. Он знал, что прав, прав, прав, и не понимал бездействия. Сейчас хватило бы одного слова, взгляда, искорки, чтобы зажечь парня и бросить куда угодно — в пекло, в воду, в толпу — и не остановить — полыхнул бы факелом.

— Черед не твой! — сказал дед, а сам думал: «Мой-то когда черед?»

— Помнишь, на горе попали в пургу? — спросил парня Сашка.

— Да. Лед. Ничего не видно, и воеет в ушах.

— Батя тогда сказал тебе: зарубайся.

— Сказал... Заорал.

— Вот и сейчас зарубайся. Наливайте, Александр Иванович, выпьем за друзей моих, Владимира и Валентину.

Дед выжал бутылку. Подняли стопки, посмотрели в глаза. Женька отодвинулся к холодильнику и смотрел в окно.

— Мужики, как у нас дома хорошо, — Сашка улыбнулся и еще немного б и запел, — на дачу к матери съездил. Вишни, яблони цвели. Картошку посадили. Вечером тишина. Бани топят, дымком пахнет. На Обь сходил.

— Вы из Новосибирска ведь? — уточнил дед.

— Да. С девяносто первого не был дома.

— А девушке что сказал? Боец невидимого фронта.

— А нету девушки.

— Как так? Не верю.

— Ох, долго рассказывать, да и неинтересно это, — Сашка махнул рукой, — романтика, — но тут же улыбнулся, расправил плечи, и пуговка на зеленой рубашке расстегнулась, широко раскрыв полосатый тельник, — а может быть, будет. Ехали сюда в одном купе. В универе у вас учится. Знаете, мужики, прострелила. Наповал. Телефон дала.

Сашка оглянулся на сервант еще гэдээровских времен, за сервантом торчала голова грифа гитары. Бывало, на этой кухне собиралось человек двадцать, и тогда эта гитара пела под розовым абажуром. Сашка встал со стула, взял гитару, провел ладонью по грифу — пыли не было. Дед сквозь дым улыбался, определив умельца.

— Щас, — Женька переглянулся с дедом.

А Сашка, скользнув тонкими, не солдатскими пальцами по струнам, вдруг запел «Утро туманное» — по-мужски, грубовато, без полифонии. Уж через годы Женька случайно услышит этот романс в исполнении Высоцкого. Почему они это пели?

— Сань, там ведь ребята от позора нашу страну прикрывают. Ты же все понимаешь, раз решил ехать, — удерживая нахлынувшие слезы, глядя прямо в глаза Сашке, говорил дед.

Сашка закончил петь:

— Страна родная. У нас все смердит изменой... Еще спляшем, — и ударил по струнам.

* * *

Они стояли на платформе у вагона молча. Женька глазами запоминал Сашкины губы, глаза, руки вдоль ладной невысокой фигуры, блеск его начищенных офицерских ботинок, потом дед, его дымящая трубка, вот звуки ударов железнодорожного молотка по колесным парам, как удары метронома. Время летело чередой картин, звуков, запахов. Женьку носил этот поток, — никогда, никогда, Саня, не рви конец!!! — Женька не сказал это, он стал смотреть на название поезда под окном вагона — «Кама».

— Александр, мы с Женькой ждем тебя, — прервал молчание голос деда, а Женька кивнул, продолжая смотреть на название «Кама».

Из открытого тамбура послышался голос проводницы:

— Провожающие, прошу выйти из вагона, отправляемся через пять минут.

Следом в проем выглянула немолодая проводница в фирменном черном пальтеце и берете, посмотрела на серое небо и спустилась на платформу.

— Поднимаемся, служивый, — поторопила Сашку, по выправке признав в нем человека военного, — а че такие грустные? Не на войну ведь провожаете. Веселей.

Тут над вокзалом разнесся всегдашний при отправлении «Камы» марш «Прощание славянки». Женька схватил Сашку так же, как тогда на аэродроме в Душанбе.

— Зарубайся, парень, — Сашка почти оторвал пацана от себя. Тот вытянулся и встал прочно, расставив ноги на платформе.

Сашка достал из внутреннего кармана куртки конверт и протянул деду.

— Возьмите адрес мамы на всякий случай.

— Не беспокойся. Пиши. Телефон девчонки не даешь?

— Нет. Когда вернусь, сам позвоню.

И все, он прыгнул на ступеньку и поплыл бесшумно в аккордах марша вдоль перрона, и только шевеление шпал становилось все чаще и чаще.

На лица упали первые капли августовского дождика. Дед с внуком посмотрели в небо.

— Дождик — это хорошо. Нынче грибов будет много. Давай, Женька, за грибами ходим. Я люблю, — бодро сказал дед и приобнял внука, подталкивая его по перрону.

— Сашка — классный боец, — Женька сказал это и опустил руку со сжатым кулаком, потом еще раз.

* * *

Лето пролетело от цветущей сирени до ворохов сухих листьев под ногами. По городу запахло дымком, и тополя приоткрыли фасады домов — вот и настал первый день нового учебного года, и он тоже пролетел. Блин и Мануля стояли в фойе первого этажа школы, дожидаясь Сухаря, а за хлопающими дверями золотая осень звала оторваться.

Блин выворачивал карманы и собирал на ладони бумажные деньги и мелочь.

— У меня сотка набирается, у тебя сколько?

— На плавный сырок хватит. Да, наберется. У Пашки должны быть, — успокоил его Мануля.

Мимо проходили подружки — это те девчухи, которые весной разглядывали Женьку: Таня — «Барби», которая назвала его совком, и Лена — гимнастка с рюкзачком за спиной и торчащими из него шариками булав.

— Бай, — тягуче попрощалась с пацанами Таня.

— Дайте рубль, родственницы, — тут же сообразил Мануля.

— Почему родственницы? — скривилась Таня. Девчонки встали.

Мануля изобразил высочайший уровень удивления.

— Вы не знаете, — он посмотрел на поднявшего брови к потолку товарища, — как отец Кирилл по телевизору к нам обращается?

А Ленка ему напрямую:

— Я даже не знаю, кто это такой.

— Еще узнаешь, сестра. Братья и сестры — вот как, — торжественно сказал Мануля и протянул руку.

— Держи, родственник, — Таня неспешно достала из сумки элегантный кошелек и двумя пальчиками протянула Мишке сотенную бумажку.

— Спасибо, сестра. Завтра верну, — Мануля так же двумя пальцами принял бумажку, помахал ею у носа и сунул в карман.

— Что-то вы замышляете, — Ленка глядела в упор на парней.

— Да ниче мы не замышляем, — начал отпираться Блин.

— Колитесь. Манн, ну колись, — Ленка наступала.

Мишка с серьезной искренностью посмотрел через очки и выдал:

— Так, гербарий мы идем собирать.

— Суханов с вами? Мальчики, возьмите нас с собой, — тут же ласковенько мяукнула Таня и, кажется, готова была снова достать кошелек.

Тут категорически возразил Блин:

— Нет, никак не можем.

— Ботаники, — Ленка подняла нос, и култышка на ее голове стала перпендикулярно торчащим из рюкзака булавам.

Подружки ушли, и к мальчишкам, как будто ждала это, из толпы подскочила Елохова Люська. Это была очень добрая девочка, и свою доброту она маскировала деловым видом, всегда спешила и хмурила брови над прекрасными добрыми черными глазками. Она была невелика ростом, носила джинсы, кроссовки и свитер, а через плечо у нее всегда висел фотоаппарат-«мыльница», и все знали, что Люська хочет стать журналистом.

— Блин, вопрос жизни и смерти. Как пишется: алюминий или алюминий? — выпалила Люська и схватила Блинова за руку. Леха посмотрел на Люську сверху вниз.

— Не понял?

— Ну как? Одна «л» или две «л»?

— Одна, — и покрутил у виска.

— Честно-честно?

— Честно.

Мишка, как обычно, поправил очки и совершенно серьезно выдал:

— Люсь, есть же проверочное слово.

— Какое?

Тут Мануля с Блином выдали хором:

— Лю-ми-ний!

Именно в этот момент к ним подошел Суханов Пашка, и они побежали на выход. У дверей Алексей оглянулся и крикнул Люське: «Салют». Она топнула ножкой по плитке: «Мальчишки, возьмите меня с собой», — но дверь хлопнула, и парни уже бежали по школьному двору.

За ребятами прошел Женька — как и в последний день прошлого учебного года, он был один. Люсе захотелось его окликнуть, просто так, чтоб сказать: «Пока», — но она не решилась.

Школьный двор был залит солнцем. Вырвавшаяся на свободу малышня носилась под ногами у старших ребят, а те медленно расходились домой или тусовались мелкими группами. Файзулло с метлой в руках стоял напротив школьного крыльца и улыбался, наблюдая за малышкой. Увидев Женьку, он махнул ему рукой.

— Здравствуй, дорогой.

— Привет. На зиму решил остаться? — Женька подошел к дворнику.

— Да. Теплицу делаю. Пойдем, покажу.

Файзулло повел Женьку за школу, где стеной стояла переросшая трава, щетинился репейник, вьюнок оплетал заросли каких-то растений-мутантов, посаженных много лет назад на уроках ботаники, и звенели, жужжали в пахучей, прогретой зелени осенние летучие твари. Вот тут, как свидетельство ушедшей цивилизации, стояли останки школьной теплицы. Хотя уже не останки: цоколь был выложен новым красным кирпичом, скелет обрешетки поправлен новыми уголками, а к стоящей рядом с теплицей бытовке вела ухоженная тропка.

— Все лето здесь жил?

— Да. На стройке работал. Кирпич тихонько сюда таскал. Смотри, тут даже трубы есть целые, — Файзулло запрыгнул на прибранный цоколь, встал на коленки и стал показывать на идущие вдоль кладки трубы, — смотри, их не стащили, — потом он встал, закрыв собой солнце, — заходи, у меня халва есть, чай пить будем.

Солнце играло в желтеющей листве, и рожа таджика улыбалась на полнеба — Женька даже почувствовал вкус зеленого чая.

— Пойдем.

Файзулло спрыгнул с цоколя и кинулся по аккуратно уложенным кускам тротуарной плитки открывать дверь бытовки.

Внутри Женьку встретил знакомый запах эстрагона, зиры и, кажется, душицы. Окон в бытовке не было, и свет, проникший через дверь, открыл лежащую на полу, покрытую клеенкой столешницу, два ободранных кресла, раскоряченных по сторонам, и покрытую цветастым одеялом лежанку в торце. Дворник щелкнул старинным, еще брежневских времен, черным выключателем, и над столешницей зажглась висящая на проводе лампочка.

— Садись, уважаемый, — Файзулло слегка поклонился, показав рукой на кресло. При этом он не выглядел униженным, несмотря на торчащую по стенам из щелей мон-

тажную пену — поклон был сделан с достоинством, как знак уважения гостю. Женька помнил такие поклоны, сам невольно отвечал на них.

Он уселся в кресло лицом к двери и сразу почувствовал, как удобно лежит столешница — мигом расставленные хозяином пиалушки, фарфоровый чайник и блюдце с халвой оказались под рукой. «Хорошо сидим», — повторил Женька фразу, ставшую уже крылатой, нагнулся и увидел красные кирпичи, подложенные под углы столешницы.

Файзулло ополоснул чайник кипятком, выплеснул воду за дверь, всыпал из зеленой пачки щепотку чая и закрыл крышкой.

— Это я из дому привез, кок-чай, номер девяносто пять, такого в России не купишь, — потом Файзулло приоткрыл крышку, втянул запах ноздрями, — а-а, — и залил в чайник уже чуть подостывшую воду.

Они сидели молча, без напряжения и поиска слов. Файзулло точно, когда поспел чай, разлил золотистый настой по пиалам и отхлебнул тогда, когда гость сделал первый глоток.

— Бери халву, — предложил таджик Женьке и сам взял маленький кусочек.

Женька положил халву на язык, запил чаем, когда растворился кусочек, и глядел на золотую осень в проеме двери.

— Ты бывал в Таджикистане? — спросил Файзулло.

— Да, я был у вас. В Пенджикенте был, когда ездили с отцом в Самарканд. У вас на автовокзале был старик сторож. Как он сейчас?

— О, Асатулло Мирзоматович — уважаемый человек. Откуда его знаешь?

— Мы с отцом ночевали у него.

— Жив. На вокзале все так же работает.

— В девяностом мы были у него. Я помню, пригласил он нас к себе на задний двор за вокзалом чай пить. Все отца расспрашивал: как жить-то будем? А отец ничего не сказал ему, а после переживал. Старик, помню, одет был в зеленую офицерскую рубашку с орденскими планками на груди.

— Да, он всегда так одевался. Он воевал еще в ту войну.

Файзулло подлил кипятка в чайник, накрошил на блюдце кусочки халвы, подвинул Женьке.

— Спасибо, Файзулло. Я пойду.

— Посиди еще. Сейчас чай будет самый лучший, — таджик положил руку на чайник, — сейчас, рука терпит.

Покружив в проеме двери, в бытовку залетела оса и стала кружить над столешницей, потом села на халву. Они смотрели на осу спокойно, не прогоняли, а просто пили чай с новой гостьей.

Когда пиала опустела, Женька поставил ее обеими руками перед собой.

— Пора.

Дворник вышел проводить гостя к теплице и смотрел ему вслед, пока тот не вышел к разросшимся старым кустам смородины, мимо которых шла тропка за школьный двор.

Женька, когда прощался с дворником, заметил, что от пролома в школьном заборе за ними наблюдают ребята: трое парней и две девчонки. Синий дымок висел над компанией, банка пива ходила по кругу, ребята громко разговаривали и еще громче смеялись.

— Че за хмырь? — долетело до Женьки.

— Новенький, в прошлом году появился, в мае, — ответил голос девчонки.

Женька шел и думал: пройти через пролом мимо этих — короче идти, но на фиг связываться, — он свернул к школе.

— Ну-ка свистни его, — баском донесся приказ.

Раздался свист, и тут же:

— Пацан, подь сюда.

Женька оглядел компанию и продолжил идти, понимая, что уйти не успевает — бежать запаadlo, и таджика в разборку ему никак не хотелось вмешивать — краем глаза Женька заметил, что Файзулло стоит у двери бытовки с лопатой наперевес.

— Борзой. Let's go. Нагнем, — долетело со спины, и сразу топот ног уже рядом. Парни окружили Женьку, девчонки как бы нехотя тянулись следом.

— Пацан, ты че, познакомиться не хочешь? С Федей базаришь, а с нами не желаешь? Может, тебе косяк нужен? — сразу заговорил обладатель командного баса.

— Не нужен.

— Тогда че ты к чурке подкатывал?

Женька видел за спиной парня таджика, его лицо и руки, сжимающие лопату.

— Знакомый, — спокойно ответил он.

— Знакомый? У нас будешь братъ. Федя порожняк, — обладатель баска протянул Женьке руку. — Ваня, — представился, а глаза шельмы. Женька протянул руку навстречу, думая, что с ним хотят действительно познакомиться, но когда руки сжались, он скорей почувствовал, что парень просто его держит, а второй уже наносит удар из-за спины в лицо. Дальше все было на автомате: подал корпус чуть вперед, вывернул руку «Вани» и сделал так, что прикрылся им, как живым щитом — тот стоял на цыпочках и от боли не мог и шелохнуться. Один из нападавших парней схватил с земли кусок кирпича.

— Отпусти, прибью, — орал благим матом. Девчонки рванули наутек напрямую через заросли.

В это время из-за угла школы вышла троица ботаников, Сухарь еще досасывал окурок.

— Ну, генерал. Уже и этих строит, — Блин скинул ремень сумки с плеча. Сухарь запустил окурочек куда-то в небо, а Мануля, приняв грозный вид, выставил вперед кулаки и поочередно, по-боксерски, начал выкидывать то правую, то левую руку.

— Отбой. Уходим, — весь изгибаясь от боли, пропел «Ваня».

Все встали. Файзулло стоял у двери, все так же сжимая лопату, и смотрел не мигая. Женька оттолкнул пленника, и тот, разминая выгнутое плечо, отошел к своим.

— Борзой ты, Сухарь, — глядя на Суханова, сказал «Ваня», — не папаша, мы б тебя и твоих порвали... — он с ненавистью оглядел каждого, — ноги вырвем, — тихо прошептал Женьке.

Шпана ушла. Четверо парней остались стоять.

— Ну, че. Еще раз познакомимся? — Сухарь почесал затылок и протянул руку Женьке. — Павел.

Блин и Мануля тоже протянули свои руки.

— Алексей, — представился Блин.

— Миша, — поправив очки и потоптавшись, представился Мануля.

Женька жал всем руки, глянул на бытовку — спина Файзулло закрывала проем двери.

— Евгений. Спасибо, мужики.

— Спасибо? Вежливость — это отживающее свойство. Что мы должны сделать? — Сухарь сказал это и посмотрел на Манна. Мануля по привычке поправил очки:

— Надо подчеркнуть знаменательность момента.

— Пойдем выпьем, — просто сказал Пашка.

Они шли, еще взволнованные стычкой, по разломанной корнями и морозом асфальтированной дорожке мимо старой смородины: худой, очкастый Мануля размахивал руками, показывая удары на Суханове, а тот увальнем отталкивал расшалившегося

очкарика, Леха возвышался над ними каланчой, он на ходу прижал к себе Манулю, и они развернулись на тропке.

— Куда идем?

Пашка встал, поднял руки к небу.

— Пошли провожать лето, — громко объявил он и опустил руки. Пацаны, перегоняя друг друга, побежали к видневшимся за оградой пятиэтажкам.

* * *

Лес, куда направились ребята, находился в черте города и, несмотря на то, что его называли парком, все-таки оставался лесом, и сейчас в нем царствовала золотая осень. Мальчишки расположились под огромной плакучей березой на бревнах, приспособленных посетителями парка под скамейки. Полянка под березой была покрыта золотом опавших листьев, вокруг стояли ели, рябины горели красными ягодами, и голубое небо заглядывало через повисшие березовые ветки. Леха разливал из бутылки вино в протянутые ребятами бумажные стаканчики — тишина, только слышно было бульканье из горлышка бутылки.

— Это благородное грузинское вино, — опустив нос в свой стаканчик и поддерживая очки, медленно, с расстановкой слов, сказал Мануля.

— Ага. В ларьке тебе «Хванчкару» продадут, — выжимая из бутылки последние капли рубиновой жидкости, ехидничал Блин.

— Ларек ларьку рознь. Можно и в магазине запросто нарваться, — так же с расстановкой заспорил Мануля.

Эти двое — очкарик и каланча — спорили по любому вопросу — от истории СССР до истории «Beatles», и только Пашка мог сказать им брэк.

— Брэк. Мы же не дегустировать пришли. Говори, Женька, — как всегда, оборвал перепалку Сухарь.

— Все, — выдохнул Леха и поставил пустую бутылку в полиэтиленовый кулек.

Женька не ожидал, что ему надо говорить, да и не умел он говорить тосты. Он взял стаканчик в другую руку, посмотрел в голубое небо, на ребят. «Что сказать? Хорошо тут», — подумал он. Мануля тем временем ткнул пальцем в свой стаканчик, лизнул.

— А что, ничего. И цвет красивый.

— Манн! Не спеши. Дай человеку сформулировать, — скомандовал Пашка.

Три пары глаз смотрели на Женьку и ждали, и он тихо сказал:

— За дружбу.

— Коротко, точно, как выстрел, — Пашка заулыбался, и пацаны сдвинули бумажные стаканчики над раскинутой у ног газетой с накиданными плавленными сырками, беляшами и горкой винограда.

— Нормалды, — выдохнул Алексей, вытирая смокшие усики. Мануля медленно пил, как из фужера, круглые глаза его удивленно смотрели через очки.

— Ты Бурнаша ловко вытянул. Могешь. Где-то занимаешься? — кусая плавленный сырок «Дружба», деловито спросил Женьку Павел.

— Нет. Бойцы в части показывали кое-то.

— Че за часть? Мы слышали, из Таджикистана ты.

Пацаны торопливо закусывали, Леха уже открывал вторую бутылку, но все внимательно смотрели на Женьку.

— Да. В Хоробе стояла наша часть. Сейчас уже не стоит.

Павел вытащил непечатую пачку «Мальборо», привычно ногтем открыл ее, протянул приятелям. Женька, хоть и не курил, взял сигарету. Закурили.

— Там сейчас война, — протянул Пашка, словно что-то знал об этом больше других, и пустил в небо колечко душистого дыма.

В это время с характерным звуком «пу» Леха выдернул пробку из бутылки.

— Есть, — и начал разливать «Хванчкару», — фигня какая-то. Был Афган, а сейчас че? — Алексей снова аккуратно поставил пустую бутылку в кулек и показал известный жест от локтя. — Вот я им поеду куда-нибудь.

Все смотрели на Леху и не начинали пить — думали, что он еще что-то скажет. Красная жидкость блестела по ободку стаканчиков и уже текла по пальцам. Женька погасил надоевшую ему сигарету и выпил первым, залпом.

Мануля пил все так же медленно и не дыша, а выпив, выпалил:

— Да к тому времени, как нам срок подойдет, может, все и закончится.

— Так они что-нибудь снова придумают, — быстро ответил Леха, — не, если не буду понимать, никуда не пойду, а я никогда не пойму, — он встал и пошел отлить.

— А я бы пошел, — твердо сказал Пашка.

— Зачем? — застегивая молнию на ширинке, крикнул от кустов Леха.

— Иди, Леха, разливай.

Блинов возвращался, пиная ворохи желтых листьев по осенней траве, вдруг встал, развел руки в стороны и крикнул посреди поляны:

— За че пьем?

— Да за все хорошее, — крикнул ему Пашка, — лей давай!

Они перестали считать бутылки, и Леха удивился, когда вытаскивал последнюю. Пашка поправил его:

— Крайняя.

— Дай бог, не последнюю, — выдал тост Алексей и выпил, — дед мой так говорил всегда, когда на Девятое мая к нему приходили.

Парни замолчали. Ветер покачивал ветки березы, и желтые листья падали прямо на ребят.

— Хочется, пацаны, все попробовать, — прервал молчание Пашка, — когда пройдешь горячую точку, ничего не страшно.

Женька оторвал глаза от холодной красной жидкости в стаканчике — ему не хотелось пить, выплеснул бы, да перед пацанами неудобно.

— А сейчас-то тебе что страшно? — спросил он Пашку.

— Не понял?

— Ну ты сказал: если бы прошел горячую точку, потом ничего бы не было страшно.

— Мало ли что... — Пашка выпил залпом, — хочу, чтобы по-настоящему, понимаешь? У меня сосед из старого дома, Димка, в Спитак ездил. Решил и поехал.

Мануля слегка захмелел, поправил очки, вечно сползающие у него на нос.

— Надо, пацаны, получать специальность. Я пойду на экономический факультет к отцу. Там сейчас новая специальность открылась — менеджмент.

— Так преподы сами ни хрена не знают. Сейчас надо деньгу ковать, — Леха выпрямился, собираясь рассказать что-то интересное, глянул в уже пустой стаканчик, — ну ладно. Приходит ко мне Мишка рано утром. Я спал еще...

Манн замахал руками, желая рассказывать сам.

— Да подожди ты, — отмахивался от него Алексей, — мама его ко мне пропустила. Я открываю глаза, а он мне: Леша, нас ждут миллионы. Ле-еша... о блин.

— Подожди, Леха. Дай я расскажу. Я нашел дешевые мандарины. Надо было превратить их из опта в розницу.

— А, — махнул рукой Алексей на Манна, — мне это искусство превращения по ночам снится. Пальцы даже дергаются, особенно этот, — Леха показал всем большой палец.

Сухарь, заливаясь от смеха, свалился в сухие листья через полено.

— А при чем тут пальцы? — спросил Женька.

— А в них искусство и есть. Сначала мы торговали по-обычному, девчонкам даже докладывали. А потом нам показали искусство торговли мандаринами, — Леха вытянул вперед руки, как фокусник, поддернул рукава пиджака, — показываю один из способов. Накладываем полную тарелку, побольше, а когда ссыпаем в сумку, два мандарина большим пальцем придерживаю. Опа.

— У нас же были пачки денег. Блин четвертак в троллейбусе компостировал, — подняв к небу глаза, восхищенно вопил Мануля.

— Мы тогда все провоняли этими цитрусовыми, Мануля, не ори, у меня аллергия случится, — останавливал Мишку Леха.

У Пашки от смеха начались колики в животе. Он катался по сухим листьям и через приступы смеха призывал Алексея:

— Блин, ты про мороженое расскажи... про «Молот» расскажи.

Серьезный Лехин тон действовал, как монолог Хазанова.

— Мы мороженым торговали в «Молоте», это дворец спорта у нас, — объяснил Алексей Женьке, — деньги старались аккуратно разложить поначалу. Потом мы не знали, куда их девать, — за пазуху засовывали. «Нанайцы» тогда приехали. Вот выскакивают они на сцену, — Лешка водил рукой над уже пустой газетой, как над местом представления, — а там... Богдан Титомир.

— Он до них приезжал, — Мануля пояснил Женьке.

Пашка снова уселся на бревно, очень серьезно поставил между ног свой кожаный портфель, достал из него бутылку и протянул Лехе:

— Мужики, есть идея.

Леха икнул:

— Манн, наливай, я устал.

— Формулирую. Давайте, мужики, вместе замутим. Будем учиться и капитал сбивать. Короче, давайте вместе прорываться, — приняв от Алексея бутылку, сказал Манн.

— Куда будем прорываться? — глядя на бутылку, спросил Леха.

— К свободе. Давайте, мужики, за свободу.

К вечеру осеверило. Небо еще глядело голубизной, но холодный ветер уже раскачивал ветки и сыпал листьями на землю.

Они допили и эту бутылку из Пашкиной заначки не закусывая.

— Что-то, мужики, я не пойму. Свобода — это хорошо, только я люблю ясность. Мы че, теток обвешивать будем? — глядя на ребят и чувствуя ватность языка, спросил Женька.

— Генерал прав, — грустно сказал Алексей.

Мануля чесал свою кудрявую голову, поправлял очки.

— Даже Форд за первый миллион не мог отчитаться. Шевелить мозгами надо.

— А ты, Женька, чего сам хочешь? — спросил Пашка.

— Дед в геологию советует.

— Чем ближе к нефти и газу, тем теплее. Кто у трубы, тот и живет. Закон всех колоний, — со знанием дела констатировал Манн.

Павел встал размять ноги, его качало.

— Отец говорит, что геологию не двигают, сливки снимают. А сам-то че? — снова спросил он у Женьки.

— Все время хотел стать офицером, сейчас думаю, — Женька смотрел на Павла снизу вверх, ему так не нравилось, и он тоже встал.

— У... — как волк, протянул Леха, — военных сейчас все имеют. Под козырек и марш.

— Не всех, — засунув руки в карманы, ответил Женька.

Леха перестал выть, ссутулил свою длинную спину.

— Вообще, мне мандаринное дело тоже не нравится. Хочу сам что-то сделать, — он снова выпрямился, — вот и все.

— Я в части «Как закалялась сталь» прочитал. Вот бы так... На полную катушку, — Женька смял в руке стаканчик и швырнул его на пустую газету.

— А ее из школьной программы убрали, — поправляя очки, уточнил Манн.

— Павка, конечно, сразу. Но свобода там есть. Дай закурить, — Алексей нетерпеливо протянул руку к стоящему рядом Пашке.

Сухарь раздал последние сигареты. Закурили, дымок поднялся над бревнами и заструился в синее холодное небо.

— Ты читал? — спросил Алексея Пашка.

— Да. Думал: справочник металлурга... шучу. Батя посоветовал. Че-то меня мутит с этого грузинского, — Лешка встал на четвереньки и пополз по сухим листьям к кустам — не успел, его вытошнило.

— Все Блин испортил, — ударив себя по ляжкам, заорал Пашка.

Мануля покачивался на бревне, очки уже держались на самом кончике носа.

— А какие у наших девчонок попки стали. Люська... ваще.

— Манн, поговори еще, — стоя на коленках, утираясь носовым платком, прорычал Леха.

— Грузинское, грузинское... Дерibas, — проворчал Пашка и, покачиваясь, пошел к кустам.

Мануля икнул: «Пить меньше надо», поймал очки, засунул их во внутренний карман пиджака и пополз за Блиновым.

Женька достал бутылку «Славяновской», с шипением отвинтил крышку и отпил.

— Мужики, живем.

* * *

По шоссе неслись автомобили, разрывая своими огнями осенние сумерки. Пацаны тащились по обочине и уже несколько раз порывались перебежать шоссе к горящим окнам многоэтажек, и только сигналы да визг тормозов останавливали их у края.

— Вон мой дом, — Пашка махнул в сторону солидного кирпичного новостроя, горящего из-за металлической ограды.

— Не, не, не, — пропел Леха, поддерживая уже заснувшего Манна, — мы до перехода.

— А... — Пашка, махнув рукой, шагнул через бордюры на проезжую часть, и если бы Женька не выдернул его за руку на придорожную траву, то его бы собирали по частям на той травме. Они сели на бордюры, а Блин с Манулей на плече упорно шел к переходу.

— Не спать! — гаркнул Женька на склонившего голову Пашку. — Встать!

Пашка поднял голову и посмотрел на Женьку совершенно трезвыми глазами.

— Знаешь, Генерал, понарошка достала... минералка есть?

— Вот, — Женька помотал почти пустой бутылкой.

Пашка отпил.

— Будешь?

Женька мотнул головой. Пашка вылил последние капли себе на лицо и растер их рукой.

— Кто у тебя отец? — разглядывая приятеля, спросил Женька.

— Директор. Он директор большого завода, и я ему завидую. Он его строил, пускал. А сейчас, о-о, у нас дом за чугунной оградой, и заводские чоповцы патрулируют район... ментам помогают.

— Надо идти. Менты могут нарисоваться.

— Шутить?

— Встали, — Женька взял Пашку за руку, потянул на себя.

— Щас, щас, — Пашка встал, долго смотрел по сторонам, — все, вперед.

Парни рванули через шоссе, дождавшись просвета, а потом упали, задыхаясь, на газон, раскинули руки под звездным небом. Пахло осенними листьями, и мимо неслись автомобили, троллейбус бесшумно прокатил совсем рядом с ними.

— Меня дед ждет, — глядя в небо, сказал Женька.

— А уж как я предков напрягу.

— Ты, Пашка, прав. Когда по-настоящему, тогда по-настоящему. У меня друг есть. Понимаешь, настоящий друг. Он сейчас в Боснию уехал.

— Познакомь.

— Когда вернется, познакомлю, — Женька сел, — куда мне сейчас идти?

— Туда, — Пашка махнул рукой в сторону кустов, за которыми виднелись черные пики забора, — там дыра есть. Дальше я тебя через охрану выведу, — он снова упал в листья и лежал с открытыми глазами. Женька видел лицо товарища и не мешал ему.

— Если меня электричка переедет? — вдруг произнес Пашка и снова замолчал. — Пшшш, и все, — он выдохнул ртом струйку пара, — ладно, пойдем.

На проходной у шлагбаума курили два мужика в форме какого-то ЧОПа — огоньки сигарет светлячками плавали на фоне будки охраны, руки в карманах, португепи на... где-то внизу.

— Здорово, мужики. Пропустите-ка моего друга.

— Да запросто, — не погасив сигареты, ответил, видимо, старший.

Женька прошелся глазами по чоповцам от подошв берцев до расстегнутых до волос на груди черных курток с лычками «Ягуар». «Партизаны», — подумал он. А мужики вытянулись, и старшой брюхо упрятал за ремень.

* * *

Женька бежал по хрущевским тенистым дворам, мимо уже пустых скамеек у подъездов, мимо засыхающих цветов в палисадниках, с силой ударяя подошвами своих ботинок по асфальту, — надо выгнать всю эту гадость, выгнать, выгнать, — он отталкивал землю от себя, и ему было хорошо оттого, что он держит дыхание и даже может ускориться. Пот ручьем стекал у него между лопаток, заливал глаза, — нормально, это нормально. На повороте к их двору, между кленов, стояла чугунная водяная колонка с длинной ручкой. Женька знал это — сумка полетела на траву, куртка за ней, пуговики на вороте расстегнуты, и вода ледяным потоком с искрами брызг ударила в руки, в шею, в лицо — Женька хватал ее пересохшими губами.

Рядом с колонкой, в черной тени старого клена, невесомо колыхались золотые кленовые листья, казалось, они держатся только светом горящих окон, не имея ни ствола, ни веток, но присмотревшись, можно было увидеть тонкий молодой кленок, растущий среди мощных корней.

За спиной вдруг Женька услышал девичий голос:

— Абрамов, ты истекаешь или совсем наоборот?

Это было так неожиданно и, черт, черт, так не вовремя. Женька убрал руку с рычага и быстро повернулся. Перед ним стояла та девочка с култышкой волос и рюкзачком за спиной с торчащими шариками булав.

— Я закаляюсь. А ты? Чего так поздно? — приглаживая мокрые волосы и застегивая пуговики на вороте намокшей рубашки, как мог серьезнее, спросил Женька.

— Я с тренировки.

— Хорошо вас дрючат. Уважаю. Тебя ведь Леной зовут?

— Ага. Групповые отработывали. Через месяц соревнования. Абрамов, чем это от тебя пахнет?

— Так, осень встречали, — он поднял с земли куртку, накиннул через плечо ремень сумки, — меня Евгений зовут.

— Значит, Женя. А тебя в классе Генералом прозвали, — Лена пошла дальше, — с Сухановым и компанией гербарий собирали? — оглянулась и блеснула на Женьку глазами. — С вами все ясно.

— Что ясно-то? — Женька шагнул за Леной, хотя ему было в другую сторону.

— Главное, повод отличный. Тебе было интересно?

— Сначала да, а в конце что-то мы перебрали. Можно я тебя провожу?

Лена быстро оглянулась на идущего следом Женьку, и ее лебединая шея завершила рисунок аккуратной девичьей головки с туго собранными в култышку волосами, пухлыми губками и чуть вздернутым носиком.

— Ты уже провожаешь. Еще два двора, и мой дом.

Они молча шли по тротуару, засыпанному кленовыми листьями, свет окон освещал им дорогу. Женька шел рядом с девочкой, он не знал, что говорить, и смотрел на ее ушко с малюсенькой сережкой, на кончики ресниц, на ее пухлые губы.

— Ты каждый день так тренируешься? — услышал он свой голос.

— Да. Каждый день. Когда только личные отрабатываю, как-то легче. Групповые — это все. Дико устала.

— Сейчас придешь домой, душ и спать.

— А-а. Кто будет уроки делать?

Они ступали по асфальту и не видели под ногами огромный, нарисованный белой краской знак. Сухие листья лежали на белом, и только утром дворник сметет их в кучу, чтобы сжечь, и увидит свастику.

— Завтра же день здоровья.

— Какая разница. На будущее надо делать. Я же пропускать буду.

Лена вдруг подняла руку и помахала куда-то в горящие окна девятиэтажки.

— Вот мы и пришли. Меня мама ждет.

Женька заметил, как в окне пятого этаже женщина махала Лене рукой.

— Тебя кто сейчас ждет? — спросила Лена.

— Меня дед ждет.

Женька, конечно, не мог тогда знать, что где бы он ни был, всегда, когда он возвращался со службы, в окне кухни горел свет и был силуэт женщины, машущей ему рукой.

— А мама где?

— У меня дед. Можно, я буду тебя после тренировки провожать?

— Надоест.

— Нет.

— Приходи. Я заканчиваю в десять. Манеж «Динамо», каждый день. Ну, пока.

— Пока.

Лена побежала к подъезду, на фоне горящих окон замелькала ее култышка, хлопнула дверь. Женька стоял под окнами, очумелый от своей решительности.

— Ес! — он разбежался, отведя руку с сумкой в сторону, сделал сальто и побежал домой.

* * *

Александр Иванович, по обыкновению заложив руки за спину, шел вдоль своей пятиэтажки. Он любил гулять здесь, под старыми кленами, но сейчас не находил себе места, считал шаги и всматривался в темноту аллеи — вот слышны шаги..., нет, не он — и снова мерил двор от угла до угла.

Они жили с внуком как равные, или, точнее, Женька признал старшинство деда, а дед глядел на внука и убеждался, что рядом родной человек, их порода. Когда Женька приехал, Александр Иванович боялся, появится ли родная ниточка, справится ли он с пацаном в их большом городе. Он подобрал кучу книг для внука, наметил походы в театр, в художественную галерею, а все получилось совсем просто: Женька пожарил картошку на бабушкиной чугунной сковороде, и они ели ее с черным хлебом, запивая молоком, и у обоих были белые усики.

Послышались за спиной летучие шаги, догнали и пошли рядом.

— Привет.

Дед не ответил, он сопел носом, и Женька знал: дед недоволен.

Они молча прошли до фонаря и встали. Золотой ковер лежал под ногами, с неба, из темноты спускались золотые листочки.

— В Душанбе тоже красивая осень, — сказал Женька и вздохнул.

— Не подлизывайся. Скоро пойдут дожди, — они снова пошли. — Когда в пятьдесят шестом демобилизовался из Сталинабада, я сказал себе: в Среднюю Азию ни ногой.

— Мне отец рассказывал, как ты играл в шахматы на козинаки.

— Это было в Шурчи. Как в школе?

— Так, поглядим. Пацаны вроде нормальные.

Два человека шли осенними сумерками. Я смотрел им в спину. Шляпа деда чернела рядом с копной волос внука, дед встал, раскурил трубку, мальчишка что-то говорил ему, а дед кивал и отпускал в небо струйку дыма.

— Дед, что говорить девчонке, когда провожаешь?

— Я Верочке Есенина читал, — дед громко попыхивал трубкой, — правда, мы были куда старше.

— Почему Есенина?

— Он на девчонок действие имеет волшебное, — дед помолчал. — Люблю я Есенина. Ехал я в декабре пятьдесят пятого домой из армии — отец болел. Уже Оренбург проехали. Холодно. А мне особенно холодно после Сталинабада. Кругом степи, снег, ветер. Ехали в теплушке. Народу много, все у буржуйки жмутся. И вот на одном полустанке к теплушке старик подошел. А может, и не старик. Борода до пояса, рубаха длинная, веревкой подвязана, сам без шапки. Встал он перед дверями, смотрит снизу и говорит: мужики, ради Христа, пустите к печке, я вам стихи почитаю. Пустили его. А он нам «Анну Снегину» наизусть всю выдал. Как его слушали! Степь, поезд, стужа. Ему водки налили, накормили. Утром я его уже не видел. Сошел где-то.

— Что же за человек такой был?

— Не знаю. Разные люди по России ходят. Из лагерей начали возвращаться. Вот тогда я и присох к Есенину.

— Посмотрю. У нас ведь он есть?

— Есть и Есенин, и Блок. Посмотри. Лучше скажи, что это ты весь мокрый и пахнет от тебя каким-то странным парфюмом?

— Да, так. Осень с пацанами встречали.

— «Осень, рыжая кобыла, чешет гриву...», хе, на колонке мылся. Тошнить будет?

— Уже.

— Пошли домой.

* * *

В октябре зарядили проливные дожди. Вода стекала с повисших веток крупными стылыми каплями и уже закрыла грязными лужами ямы на разбитых дорогах. Город

стоял, как промокший пес, под косыми сетями ледяных струй и готов был уже завывать в серое небо от смертной тоски и неизвестности. Утром 4 октября 1993 года с севера задул ветер, он разорвал пелену серой ваты над городом, выпустил солнце, и заря вымазала красным мокрые фасады домов, улицы, и в схваченных первым ледком лужах отразилось голубое небо. Это был понедельник.

День в университете прошел, без споров, томительно. Коллеги отводили глаза, словно за дверью убивали, а у тебя кипел чайник. Дед и Женька молча ужинали на кухне. На стене работал телевизор «Samsung», дед сидел спиной к нему и не поворачивал головы, он даже, кажется, не слушал.

На малюсеньком экране мелькали толпы людей, щиты оцепления, отчаяние, танки на Краснопресненской набережной, слова, слова, слова.

Дом тоже молчал, наверху скрипнули половицы, и вдруг:

— Ох! Война же. Война! — и заплакала женщина.

Дед закрыл лицо руками, навалился на стол.

— Дед, тебе плохо? — Женька вскочил, и тарелка отлетела на край стола.

— Стыдно, — дед поднял голову, а по щекам у него текли слезы, — стыдно-то как.

— Хорошо, что Саня уехал.

За окном по дорогам крутилась поземка, в стекла сыпала крупа, она прилипала, таяла и ручейками струилась вниз.

В жизни города ничего не изменилось, люди что-то делали, в окнах горел свет, из кранов текла горячая и холодная вода, и батареи грели — все было, несмотря на географическое положение города севернее шестидесятой параллели. Незаметно наступил декабрь, и город захватили большие и маленькие Санта-Клаусы в красных сачках на голове.

Как-то вечером дед пришел из университета домой, держа в руке узкий конверт.

— От Сани? — с горящими глазами выдохнул Женька.

— Да.

* * *

По снежному склону шла группа бойцов в грязных маскхалатах — их пятеро. Двое несли раненого, один шел впереди, и один сзади. Люди сильно устали, казалось, что их надсадное дыхание хрипело над горным хребтом.

Холодно. Раннее утро. Небо начало голубеть, горели последние звезды. Изо рта у людей шел пар. Хрустел снег.

Вдруг первый, как будто что-то почувствовав, скомандовал:

— Ложись!

Люди повалились в розовый снег, и тут же ухнул выстрел, за ним следующий. Снег от выстрелов взлетал фонтанами. Бойцы перекатились на дно русла застывшего ручья. Выстрелы следовали один за другим. Двигаться дальше невозможно: вокруг никакого укрытия, камни, горы, прозрачное небо и утренние звезды. Тишина.

Тот, кто шел первым, взял рукой снег и протер им лицо.

— Сейчас солнце взойдет, и они у нас как на ладошке будут.

Молодой, еще без щетины, свалившийся рядом боец посмотрел на светящееся небо и простуженно прохрипел:

— Ага, солнце взойдет, и мы в воде будем.

— Не бзди, Андрюха. Твоя простата потерпит, — ответил первый.

Исчезли звезды. Солнце уже поднялось над серой грядой. Бойцы лежали на камнях в ледяной воде.

Замыкающий, тот, кто командовал «ложись», посмотрел на раненого, спросил первого:

— Как там Толян?

— Дышит.

Замыкающим был Быков. Он перевернулся на спину и смотрел в небо, прикрыв рот и нос балаклавой, потом скользнул к торчащим из снега камням, затаился. Сашку и не узнать, только глаза да рысья повадка мягко прижаться к земле перед прыжком определяли в этом бойце капитана Российской армии Александра Быкова.

— Иваныч, с Толяном остаешься, — Сашка определил место в бою первому, — Казак, Андрюха, сектор Иванычу не закрывать. По моей команде рвем сверху, — каждому заглянул в глаза. Первый понимающе кивнул в ответ.

Казак — блондин, лет под тридцать, с красной, как заря, щетиной, измочалившей ворот свитера, и гривой грязных волос за спиной, вытащил из рюкзака казачью фуражку с мятой тульей, одел покрепче, вытянул кант на подбородок.

Сашка согрел дыханием замерзшие руки и пополз к краю русла ручья, достал биннокль, припал глазами к окулярам: камни, камни, камни и винтовка на сошках, красные лица врагов — двести метров, — определил для себя, замер, считая шаги... все, готов, перекатился левее, чуть ниже, встал на колено и прицельно ударил по вершине. Делал он это так, будто и не ждал выстрелов в себя — как в тире. Потом он вскочил и вверх, не глядя за плечо. Уж было без разницы, бегут ли рядом бойцы — борьба за жизнь. Мелькали камни под ногами, край гряды, небо. Грязные, мокрые маскхалаты, как тяжелые шкуры, давили к склону. Вверх, вверх через кровавый кашель вверх.

Иванович в это время бил с колена по стрелкам — автомат пристрелян, и этот боец не мазал.

Вот и край гряды. В небольшой яме, уронив остатки головы на бруствер, в луже крови, перемешанной с мозгами, лежал убитый стрелок, рядом сидел его раненый товарищ. Из соседнего окопчика выскочили двое, от палатки еще один.

Была штыковая... и тишина, и только небо свидетель.

Потом курили на бруствере. Молодой встал — маскхалат в брызгах крови, пошел к палатке искать добычу — у турок спальники австрийские, — заорал из палатки и тут же задом выбрался на ветер. Лицо у молодого довольное, он шел, отступаясь по покрытым снегом камням и нес на вытянутых руках по спальнику — мечта!

Быков убил Андрюху взглядом — тот даже присел.

— В чужие горы со своими спальниками не ходим, — буркнул Казак и сплюнул, — ты лучше сюда глянь. Экипировка-то натовская.

— Это с гуманитарной помощью получают. Вон и «барретт» М-82 у них тут, — заметил Сашка со знанием дела.

Молодой, засовывая спальник в чехол, присел у винтовки.

— Наша СВД не хуже.

— Не хуже. Перевяжи вон страдальца, — Сашка показал головой на раненого.

Молодой засунул спальник в чехол и молча начал перевязывать прижимающегося к стенке окопчика мальчишку.

Сашка встал, подошел к краю гряды, махнул рукой Ивановичу, обернулся:

— Айда, — и, переваливаясь через камни, почти побежал вниз. За ним пошел и Казак.

Молодой закончил перевязывать:

— Живи, — он перекинул ногу через край, оглянулся, — птенчик (раненый действительно напоминал всклокоченного черного птенца), — и, бросив к ногам мальчишки один спальник, запрыгал по камням догонять товарищей.

Пятерка уходила все ниже по ручью — горы, нежить и четверо парней в грязных маскхалатах выносили своего товарища.

Женька читал письмо, дед слушал, так и не сняв пальто, сжимая руками шарф.

«...С сербами поступают нечестно. Обидно за них, за нас тоже. Не понимаю, почему нас не любят? Все на одного навалились, как собаки на медведя. Я думаю, у нас может быть похоже, все к этому идет. У меня есть много вопросов к сербам, но когда я вспоминаю разрезанных на куски медсестричек, я зверею. Французики тогда пропустили через свои позиции босняков. Мне сейчас все ясно. Мы со злом воюем. Думал, ненадолго командировка, а получается по-другому. Я остаюсь. Александр Иванович, Женька, я вас люблю. Обнимаю. До встречи. Александр».

Дед с внуком сидели молча. На дверной ручке повисла авоська с кульком пельменей, под ней стоял пузатый портфель деда.

— Я тут понабрал в буфете. Свари, Жень, пельмени — есть хочу.

Беспринципная, пошла муть текла из каждого «утюга», в ней плавали уже наскучившие, горделиво обиженные лица, открывались рты, чмокали толстые губы, лился бесконечный поток наукообразных фраз и презрения над уставшей, пьяной и затравленной матерью.

* * *

Мороз застудил слякоть, а снег завалил грязь и сделал город чистым и бодрым. Даже пустые глазницы недостроенных домов смотрели на спешащих по улицам горожан, не вызывая вчерашней безнадеги. В мишуре бартерных подарков, в потоках польского «Наполеона» и другой заморской дряни прошли новогодние праздники — город наконец поднял опухшие глаза на блестящий на солнце горизонт, а там голубое небо сходилось с засыпанными снегом лесами.

У Женьки настали каникулы, а у деда сессия, и он, свободный от ежедневных лекций, решил вытащить внука в лес на лыжах — не по-пенсионерски, а сразу на марафон. Решение пришло как-то вечером, когда дед, вглядываясь в засыпанный снегом двор, уперся лбом в холодное стекло. Рано утром, когда только зарозовело небо, они вышли на крыльцо и, пуская стывший на морозе пар, направились к дедовой «шестерке». У обоих были ладно подогнаны рюкзаки, экипировка потертая, но надежная, и со стороны было не отличить деда от внука: самострочная пуховка скрывала дедовский животик.

— Ты, Женька, живешь на Урале, а потому должен владеть лыжами, — довольный началом дня, пел дед, — ты ведь немного передвигаешься?

Внук был серьезен, он прижимал лыжи к груди, а палки торчали в стороны и норовили исцарапать соседние авто.

— Передвигаюсь, — невесело ответил Женька, сам он все еще не терял надежду, что что-то у деда сорвется, и когда дед поворачивал ключ зажигания, он гипнотизировал панель и стрелки приборов на ней: только б не завелась. Но «шестерка», поворчав, завелась, и дед весело уже отскребал лобовое стекло от инея. Первые автобусы и троллейбусы выходили на маршруты, сквозь голубую льдистую мглу горели огни их салонов, и гнали они по дорогам, пропуская пустые остановки. Дед вел «жигуленок», чуть не прильнув к лобовому стеклу, всматриваясь в вырванный фарами кусок дороги.

— Мы сегодня с тобой, Женька, марафон побежим. Потом тебе все нипочем будет. Че молчишь-то?

— Дед, в ты мазь ту подобрал?

— Ту, Женька.

— Холодно сегодня.

— Вот на лыжах и согреемся. Там трасса промаркирована — двадцать пять километров туда и двадцать пять обратно. Есть избенка по трассе — можно отдохнуть. Нас ведь никто не гонит.

Они остановились на светофоре, мотор ровно стучал.

— Дед, а ты сам-то осилишь?

Они посмотрели друг на друга.

— Обижаешь, — дед уверенно глядел на внука через очки — он форсил. На самом деле этот вопрос его тревожил, он успокаивал себя тем, что не победит, что только прокатится, что он вот уж месяц ходит пешком до университета, — я должен пройти с Женькой все! — прогнал он свои страхи.

— Я помню, с Витькой Ковалевым по Северному Уралу вдвоем пробежались за неделю. Из Всеволодо-Благодатского вышли, через Еловский увал на Белый Камень, потом вдоль Главного Уральского хребта на Денежку, а с Денежки обратно во Всеволодо-Благодатское вернулись. Налегке бежали, впроголодь... Правда, это было лет тридцать назад, — дед въехал на стоянку и встал между двух «лад», — ну все, приехали.

Закинув пуховки в рюкзаки, дед с внуком вышли на лыжню. Дед сразу легко покатил, пружинисто работая ногами и палками, мускулы, обтянутые лыжным костюмом, рационально работали, и круглый животик, натягивающий куртку, ему не мешал — дед легко прошел небольшой тягун и полетел по уходящей вниз и вправо лыжне, через мгновение Женька уже его не видел. Он остался один среди заснеженных елей, где-то долбил ствол дятел, и от тишины звенело в ушах. Голубой флажок со строгой цифрой один трепыхался на растяжке между сучьев, а лыжи не слушались, ползли назад, и Женька висел на палках, утирая пот рукавом.

— Утек, — шептал Женька, унимая грохочущее сердце, огляделся: сбегав по стволу сосны, через лыжню перебежала белка, скрипнуло дерево, из снежной перины выглядывали на него елочки. Вспомнив, как шел дед, Женька медленно оттолкнулся палкой, потом добавил ногой еще и еще и покатил, отталкивая лыжню назад. Он перестал смотреть на флажки, дышал ровно и уже не висел на палках, а шел, шел, шел. За поворотом на сваленной березе сидел дед, он раскинул руки с палками по сторонам, подставил свое бритое лицо солнцу и, казалось, спал, но когда Женька подкатил к нему и довольно ловко затормозил с веером снега, дед приоткрыл глаза.

— Я уж заждался тебя. Загораю. Ну что, покатили? — и, не дожидаясь Женьки, встал и заскользил испытанной классикой. Проехав немного, он оглянулся. — Жень, если устал — отдохни, — и покатил, не оглядываясь дальше. Надо было видеть пацана — утирая шапочкой пот с заледневших бровей, Женька мрачно смотрел вслед деду. «Мотор у него там в жопе-то, что ли?» — вслух сказал он сквозь зубы, а глаза уже горели, и словно изнутри запалили фитиль — догорел и ударил направленным взрывом. Парень, упруго выгнув спину, мощно оттолкнулся палками и пошел напролом. Он не знал, на каком километре, сколько флажков уже пролетело мимо, но вдруг после длинного подъема Женька увидел лес, тот самый лес, что мелькал, мелькал, а сейчас вдруг тихо смотрел на него, а Женька на него.

— Привет, — усмехнулся Женька, подышал паром и пошел ломить дальше.

На крыльце рубленой избы, жмурясь от солнца, сидел дед, лыжи аккуратно стояли у стены, из трубы шел дым.

— Солнце-то как греет. Весна скоро, — дед встал навстречу внуку, поднял бывалую пенку, — ну как?

— Я балдю.

Они стояли рядом, одного роста, оба размятые бегом, оба оглушенные лесом, и улыбались друг другу.

— Пойдем чай пить, — дед махнул пенкой к избе, — заходы.

На изрезанном множеством ножей столе уже лежали бутерброды, дед с буржуйки снял котелок, заварил чай. Они сидели на лавке, согревая ладони на краях кружек, швыркались чай и громко выдыхали, растягивая каждый глоток на много ударов сердца.

— Устал? — тихо спросил дед.

Женька громко швыркнул из кружки и ехидно так выдал деду:

— А ты, дед, хитрый. Ты ж срезал.

— Не, Жень, я не хитрый, а умный, я трассу знаю, — дед, кряхтя, встал, подошел к буржуйке, — за таким лосенком, как ты, попробуй угнаться, — погрел руки, потянулся, — однако полешки-то надо напилить, за нами люди будут, — дед достал за буржуйкой зубастую двуручную пилу, — пойдем разомнемся.

Дед и внук, согнувшись над козлами, звонко пилили промерзшее бревно — налегали от души и, поглядывая друг на друга, не уступали ни вдоха, ни выдоха. Солнце блестело уже на верхушках елей, тени ложились на розовеющий снег, и опилки не желтели под ногами. Последний полешек остался на козлах.

— Все, наколют, — дед отпустил ручку пилы. — Пора домой, Женька. Обрато, честно, срезать не буду. Вместе пойдем.

Два лыжника катили по вечернему лесу. Небо быстро темнело, становилось холоднее, замигали первые звезды. Они вышли к крутому, длинному спуску. Могучие ели в снежных шапках стояли у их ног, у перелома редкие сосенки и елочки в белых шубках, на небе оранжевым апельсином повисло светило и сделало все кругом розовым. С севера раскинулось море леса, с запада огнями светил город. Дед и внук стояли на краю, их силуэты четко были видны на погасающем небе.

— Запомни, Женька, это глазами.

Они стояли под звездной дорожкой, не решаясь оттолкнуться и лететь. Женька достал из нагрудного кармана кусочек сахара, протянул деду.

— Дед, пососи.

Дед взял из рук внука сахар и положил в рот, поперекавывал языком.

— Погнали!

Сначала оттолкнулся дед, за ним Женька, и начался полет через ветер, стужу, не чуя лыжни к городу, к улицам и дорогам, забитым людьми и автомобилями.

* * *

Вот и заблестели на солнце сосульки, снег осел, и дворники, сотрясая дворы, бухали ломанами по слежалым грязным плитам прошлогоднего снега, натужно бросали осколки на обочину тротуаров. Облизанные солнцем дороги блестели маслом, ноздрились черными дырами от щедро посыпанной соли или хлюпали никогда не застывающими лужами.

Дед шел обычным маршрутом из университета, размахивая своим преподавательским портфелем, шарф выбился из воротника его демисезонного пальто, и зимняя шапка была заломлена на самый затылок. Солнце уже спряталось за крышами, но небо еще голубело, и вечерний морозец схватил ледком снежную кашу на тротуаре. Дед бодро ступал в подмерзшие колдобины и предвкушал, как усядется в тишине за свой письменный стол — коллега подсунул ему сегодня статью в «Геологии нефти и газа», они весь день спорили, смеялись, ругали все на свете, и сейчас дед шел домой писать комментарии.

На перекрестке у входа в магазин из темного переулка к нему вышел вертлявый мальчишка лет десяти в когда-то желтом китайском пуховике, в вязаных женских рей-

тузах в обтяжку с вытянутыми коленями и развалившейся на голове шапочке-гребешке. С наигранно-униженным видом пацан канючил:

— Дяденька, дай денежку.

Дед с разбегу опустился на тротуар, его мысли убежали вперед, а он остался под фонарем глаза в глаза с этим странным, жалким, несчастным человечком. Глаза у мальчишки чуть не текли слезами, бегали по карманам, портфелю, шапке деда, всасывались в глаза и уже требовали: дай, дай.

Дед еще никогда не встречал такой агрессивной униженности. Изуродованное, исковерканное существо, которое когда-то могло смеяться и плакать, сейчас лицедействовало перед ним, скаля черные зубы, растягивая резиновые, как брошенный презерватив, губы.

«Но этот... мальчик... ребенок, он говорит мне по-русски!» — почти кричал себе дед.

— Сейчас я куплю тебе поесть.

— Ну дай денежку-у-у, — уже озлобленно вязло в ушах, стекало на асфальт, а дед, как замороженный, поднимался по ступеням в магазин.

Он стоял и мучился в очереди, желваки бугрились, и когда он услышал вопрос продавщицы: «Что вам?», дед посмотрел на нее, а она спросила: «Вам плохо?» Дед достал из портфеля стеклянную банку, медленно снял с нее капроновую крышку и протянул женщине: «Сметаны, пожалуйста. Сделайте полную банку. Творожных сырков шесть штук, бутылку молока и две буханки хлеба». «Денег-то хватит? — подумал он, рывком сунул руку в карман, открыл бумажник. — Хватит».

Сметана медленно заполняла банку. Дед терпеливо ждал, достал из портфеля тряпичную авоську, пакет с измятой надписью «I love...», поднял лицо к мигающей предсмертными вспышками лампе — кажется, слезы блеснули на глазах, почти незаметно — он прогнал.

— Спасибо, — дед улыбнулся продавщице и разложил покупки — банка осталась в авоське, остальное утонуло в бездонном портфеле.

У магазина мальчишки уже не было, и дед, пройдя мимо почти перегородивших тротуар автомобилей, заглянул во двор — мирно горели окна, и чернели коряги голых деревьев. Дед уже повернул на выход, когда из темноты донесся низкий голос:

— Стой, с... Сюда пошел, сюда!

А следом совсем тихо:

— Дяденька, не надо!

Дед продолжал идти, он еще надеялся, что это ему послышалось, что там, в темноте, ничего не происходит, что он сейчас выйдет на проспект и... тут его догнал пронзительный детский крик, как бубенчик на срыве:

— Нет! Дяденька!!!

Он повернул назад и зашагал наугад в темноту, ориентируясь по свету из окон. Ноги разъезжались по наледям, и противно пахло помойкой. У припаркованной рядом с домом «девятки» дед увидел рослого парня и того мальчишку в женских рейтузах — они стояли у открытой двери, пацан что-то говорил, и опять эта жалкая улыбка и повисшие плечи. А из глубины двора звенел бубенчик.

— Отпустите мальчишек! — закричал дед в темноту и шагнул к машине.

Рослый посмотрел на деда, как на пустое место, сунул руку в карман куртки, потом достал.

— Я к вам обращаюсь! Отпустите сейчас же мальчишек! — голос деда разнесся в мартовском воздухе до крыш хрущевок, а дед шагал и не знал, что делает в следующее мгновение.

— Че орешь? Канай отсюда, — отчетливо услышал он и сделал еще шаг.

Дед не ожидал удара, все случилось унижительно просто: рослый ударил деда в лицо без замаха и, кажется, нехотя. Дед не упал, только голова мотнулась в сторону, куда-то под колеса слетела шапка, и сразу соленый вкус крови заполнил рот, и занемела губа. Обида, ярость сковали тело — вот он стоит тут: лысый, седой, в когда-то приличном пальто с огромным портфелем, с авоськой и мелочью в кошельке. Пар изо рта рвался в ночь, пришло расслабление: можно!

Дед поставил портфель у ног, поднял за ручки свою авоську с болтающейся в ней одинокой банкой сметаны и, вложив всю свою силу, с хрустом стекла или черепа, размазал эту банку по голове отвернувшегося в это время парня. Он не смотрел на осевшего у колеса человека, его не тревожил уходящий куда-то во тьму беспризорник в женских рейтузах — напротив себя он увидел силуэт взрослого человека, волокущего за шиворот ребенка в уже почти стянутом на голову зимнем пальтишке. Человечек уже не кричал, а хрипел, и ноги скребли по замерзшей снежной каше.

Взрослый мужик бросил мальчишку и, закрывая свет, наплывал на деда — он уже не молод, крижист, видна щетина на небритом лице, черная кожаная куртка блеснула дорогим матом, и, кажется, пахло парфюмом. Дед почувствовал, как голова наливалась тяжестью — даже морозец не освежал, шарф выехал за воротник, в руках авоська, промокшая от вытекающей из разбитой банки сметаны. «Как болит голова, — подумал дед. — На!» — вот этой авоськой дед наотмашь и хлестнул черную тень, кажется, по лицу, а потом ударил ногой куда-то посередине.

Все кончилось, тень поскользнулась и с шумом завалилась на бок. Сквозь кожаные перчатки на деда блеснули глаза раненого зверя. Маленький человек все видел, он сидел на корточках — там, где его бросили, смотрел на деда, потом вскочил и бросился бежать наугад, через черные лапы кустов по наледям и проталинам от припаркованных машин. По двору разносился негромкий, но отчетливо направленный звук этого молчаливого рывка. На льду переваливался со спины на бок и стонал тот, который только что был готов бить сам.

Дед глазами искал под ногами шапку, наугад наклонился к чему-то черному, поднял шапку, медленно двинулся в просвет между домами к дороге. Из рваной авоськи торчали осколки банки, текла еще остающаяся сметана. У переполненной помойки дед остановился и швырнул часть ужина за кучу.

Фонари слепили глаза, мимо проносились автомобили, рядом шли люди, что-то тянуло правую руку к земле, дед согнул локоть раз, другой, встал — портфель! — если бы не выбившийся шарф, было бы видно, как у деда приподнялись уши — он поправил шарф, шапку и зашагал домой, вдруг слегка присел и, как в танце, раскинул руки в стороны — опа, — но тут же оглянулся по сторонам — задумчивая девушка шла за ним, но ничего не видела. Дед выдохнул, тряхнул головой — боль давила на лоб.

«Вроде цел», — подумал он и пошел дальше.

Подходя к своему крыльцу, дед заметил спешившего за ним мелкого — мальчишка выглянул из-за кустов, спрятался, а потом вышел и встал на тротуаре.

— Иди сюда, — крикнул ему дед.

Зимнее пальтишко с поднятым воротником, поверх завязан шарф, худая шея выставлялась под ветер наперекор шарфу, и черные глаза внимательно смотрели из-под вязаной шапки. Мальчишка не двинулся с места.

— Как тебя зовут? — крикнул дед. Мальчишка что-то сказал и продолжал стоять. По двору носился холодный ветер, ломал сухие сучья деревьев, шевелил черными лапами голых кустов, крутил, гремел железом на крыше. Мальчишка стоял под ветром, потом сделал шаг, другой, подошел к деду и, задрав голову, назвал себя:

— Вася.

На деда с худого, продубевшего от морозов и костров лица смотрели черные упрямые глаза.

«В школу еще не ходит, лет шесть», — подумал дед.

— Сметаны, Василий, у меня нет. Есть картошка и квашеная капуста. Если не возражаешь, пойдем, накормлю.

— Не возражаю.

* * *

После длинного дедовского звонка Женька вбежал в коридорчик и распахнул дверь.

— Встречай гостя, — бодро скомандовал дед и подтолкнул мальчишку вперед.

— Дед, это кто?

— Кто-кто. Дед пихто. Давай раздевай пацана. Видишь, замерз он, — дед снял шапку и устало сел на обувницу.

Женька принялся развязывать на мальчишке шарф, а сам поглядывал на деда — тот задумчиво сидел, вытирая губы трубочкой, скула деда нависала над кровящей губой.

— Я сам, — мальчишка убрал Женькины руки.

Женька не стал спрашивать деда о разбитом лице, он просто тронул деда за плечо.

— Федул, чего губы надул? — Дед улыбнулся. — Знакомьтесь, ребята. Это мой внук Евгений, а это Вася.

Мальчишка снял шапку и солидно протянул руку Женьке.

— Василий.

Дед ударил ладонью по колену.

— Ваську в душ, а я на кухню, — он резко встал, — Жень, время пошло.

Тем мартовским вечером дед и Женя сидели у кухонного стола напротив друг друга, Васька сидел ровно там, где сидел полгода назад Саня, и уплетал жареную картошку. Он зажал в кулачке кусок черного «Дарницкого» каравая, собирал ложкой золотые ломтики с тарелки и засовывал в рот, потом пил из кружки молоко. Хлеба, молока и картошки ему хотелось одновременно, потому он спешил, и его уши двигались вверх-вниз над худенькими плечами. Молоко текло по подбородку и капало в тарелку. На мальчишке была чистая полосатая Женькина майка, лямки сползали, и Васька, расправляя плечи, поправлял их. При этом он гордо говорил: десантура. Его мокрые, давно не стриженные волосы торчали во все стороны кухни, а довольные глаза стреляли с деда на Женьку.

— У тебя, наверно, есть мама, папа, бабушки, дедушки... Где они? — спросил дед.

— В Грозном. Дед сказал, чтобы мы с мамой уезжали, а они с бабушкой останутся дом стеречь. Вот мы и уехали в Ярославль к папиным друзьям.

— Так ты из Грозного?! А сюда как попал? Мать-то где?

Васька, присосавшись к кружке с молоком, смотрел на деда и Женьку, потом выдохнул, поставил кружку на стол.

— Не нашли мы папиных друзей. Мама еще дома простыла, сильно кашляла, ее в Ярославле положили в больницу, — тут Васька сгорбился и стал смотреть под ноги. Тикали часы.

— И че? — не выдержал Женька.

— Мне сказали, что она умерла, — Васька поднял глаза, и в них не было слез — только черная-черная бездна.

— А отец где? — дед спросил, глядя в глаза мальчишке, потом отвернулся.

— Папу убили. Он с завода шел домой и не дошел... Мы на Лермонтова жили.

— Как же ты, милый, из Ярославля к нам добрался?

— Из больницы меня в приют отправили. Я сбежал. Хотел домой вернуться, а поезд перепутал.

— Всю зиму на улице жил?

Мальчишка ел и как будто не слышал, но вдруг его глаза загорелись.

— А тех-то ты здорово отделал, — Васька вскочил, замолотил кулаками, — дух, дух и по яйцам, — Васька пнул воздух в сторону холодильника, и лицо сморщилось ненавистью.

Дед переглянулся с Женькой.

— Какие-то гады мальчишек в машину волокли. Ну вот... — дед дотронулся пальцем до вспухшей скулы. — Зачем они вас тащили-то?

— Это Шило с ними договаривался. Накормить обещали. А я, как увидел их, сразу есть не захотел.

— Правильно, Вася, — наставительно кивал дед.

— Мне мама говорила, чтобы с незнакомыми дядями не ходил.

— Сколько их было? — спросил Женька.

— Двое.

— Как же справился?

— Как-как. Сметаной.

Васька вытянулся над кухонным столом.

— Деда, Женя, не отдавайте меня в приют. Я домой хочу.

Дед тут в первый раз задумался: что же с мальцом делать дальше?

— Адрес в Грозном знаешь? — спросил Женька.

— Знаю, — кивнул Васька, — не отдавайте меня в приют. Пожалуйста.

— Не отдадим. Давайте, ребятки, спать. Что-то у меня голова болит.

Женька увел мальчишку в свою комнату, потом вернулся и стал колдовать над дедовой скулой.

— Хорош, Женька, бацце не сделаешь. Иди спать.

Потом дед гремел посудой, стоял долго у окна и курил.

* * *

Университет жил своей всегдашней бурливой жизнью: лекции, лабораторные, планы, мероприятия и, черт бы его побрал, бюджет, который уместился бы на ладошке. На кафедрах за чаем спорили, обсуждая власть, вспоминали Союз, иной раз кто-то бил кулаком по столу до звона чашек — все определялись, почему это он развалился, — коммунисты ругались с либералами, белые валили и тех и других, но аргументы у всех были советские. Однажды кто-то из белых принес еще мюнхенское издание Ильина и за очередным спором, гордо открыв на закладке, зачитал:

— «Во всех областях человеческой культуры личное начало подлежит не подавлению и искоренению, а приятию, утверждению, воспитанию, одухотворению и гармоническому дисциплинированию... — Цитирующий оторвал глаза от страницы и с жаром обвинил кого-то на потолке: — А нас уж семьдесят лет строили и это личное отнимали, — он снова опустил глаза в книгу и продолжил: — «Каждый человек должен иметь в жизни такое „место“, где он мог бы хозяйственно-творчески стоять на ногах; ту сферу, о которой он имел бы право сказать: „мое, а не твое...“»

Дед никогда не участвовал в спорах, а тут повернулся от своего стола и спросил:

— Пожалуйста, раскройте понятие «гармонического дисциплинирования», и кто это должен делать, а то непонятно, где границы твое и мое?

— Вы не понимаете, Александр Иванович. Это живое слово, наконец-то живое слово о личности. От нас скрывали Ильина... — листая страницу в поисках новой цитаты, почти кричал коллега.

— Помилуйте, Горький об этом сказал лет за тридцать. Только без «гармонического дисциплинирования». — После этих слов дед встал и направился в студенческий буфет заморить червячка и что-нибудь купить на вечер. На выходе он оглянулся на коллегу, продолжающего листать Ильина. — Прикажете снести памятник Маяковскому? — Дед вышел.

В переходе из корпуса А в корпус Б он догнал своего старого приятеля и партнера по шахматам Бориса Григорьевича Гельфанда — высокого, худого, в очках, с еврейскими выпуклыми губами и орлиным носом. Дед хлопнул приятеля по сутулой спине и подвел к подоконнику.

— Саш, что-то случилось? — вздрогнув от неожиданного шлепка, спросил Гельфанд.

— Нет, все нормально. Я, Борис, ничего не понимаю в законах, а необходимо сделать все грамотно. Сведи со своей приятельницей.

— Нет проблем. Но все-таки что-то произошло?

— Да все нормально. Ко мне попал мальчуган. Хочу оставить его у себя. По крайней мере, до того времени, как найдутся его родственники.

Гельфанд поднял очки на лоб и посмотрел на припухшую скулу деда — его всепонимающие грустные глаза, кажется, снимали все проблемы, он вскинул руку и глянул на часы.

— У нее сейчас должно быть окно.

— Пойдем. Леший с буфетом. Сейчас там студентов пушкой не прошибить.

Они поплыли по переходу между корпусами в шумном потоке большой перемены, зажатые со всех сторон спешащими рюкзачками, сумками — молодой гомон наполнил коридор. Старики, кажется, ловили кайф от этого движения, хотя ворчали. Проходя мимо плаката с портретом известного в городе деятеля, Гельфанд показал пальцем — усы пририсовали. Только что шел, не было.

— Кто такой? Лицо знакомое, — спросил дед.

— С общественных наук. Слывет интеллектуалом. Вероятнее всего, он наш будущий мэр.

На плакате летящими буквами куда-то вслед поднятым глазам деятеля было написано: «Голосуя за Волкова, вы голосуете за науку, креативность, молодость». Чуть ниже было приколото кнопкой объявление: «Встреча г-на Волкова Д. А. с коллективом университета состоится в ауд. 225, корпус А, в 16.30».

Старики продолжили свое движение.

— Пойдешь? — спросил дед.

— Пойду. У нас вся лаборатория идет, — ответил Гельфанд и вдруг встал, хлопнув себя по выпуклому лбу, — он же с усами на Николая Александровича похож.

— Боря, на кого это?

— На Николая Второго, вот на кого.

* * *

В небольшой аудитории за преподавательским столом, как за столом учителя в классе, сидела седая, элегантная, с беленьким газовым платком на шее, в поднятых на лоб очках, дама и на вытянутых руках читала газету.

— Здравствуй, Диночка, — входя первым, бодро приветствовал Гельфанд, поставил портфель на крайний стол и сразу прошел к даме целовать руку.

— Боря? Здравствуй, — очки незаметно оказались среди бумаг на столе, а глаза уже с прищуром оглядывали деда.

— Знакомься. Это мой друг — Александр Иванович Абрамов. Диана Васильевна.

— Здравствуйте, Александр Иванович.

— Здравствуйте, Диана Васильевна, — дед стоял с огромным портфелем перед учительским столом и чувствовал себя студентом, пришедшим сдавать хвост, а от глаз Дианы Васильевны не укрылась подбитая скула, которая, как назло, начала токать.

Гельфанд вытянулся рядом и заполнил паузу.

— Диночка, ты, как всегда, блеск. Можно задать тебе несколько вопросов?

— А поговорить?

— О господи, прости старых технарей. — Гельфанд уселся на стол и хлопнул себя по коленкам. — Как твоя внучка? Она уже решила, куда пойдет учиться?

— А, дежурный вопрос про внучку. Все нормально. Она у меня умная девочка. Ну какая сейчас археология? Сейчас не до романтики. Александр Иванович, вы не согласны? — Диана Васильевна решила включить в разговор усаживающегося за стол напротив деда.

— Да, вы правы. Сейчас все по-другому.

— Все по-другому... — Диана Васильевна бросила газету на край стола. — К бабке пойдет учиться, на юриста. Ну ладно, уважаемые технари, какие у вас вопросы?

Дед смотрел на внимательные глаза, чуть иронично рассматривающие его, — чего она токает, — злился он на скулу и вдруг понял, что потерял заготовленную вроде бы юридическую формулировку, — ну и леший с ним, скажу как скажу.

— Как мне оставить у себя шестилетнего мальчишка? Его родители погибли. В Грозном у него остались бабушки и дед, но связаться с ними пока не удастся. Он сбежал из детского дома. Я был в этом детском доме, оставил заявление, договорился, что мальчишка будет жить пока у меня. Но надо же все оформлять.

Диана Васильевна слушала деда, и выражение ее лица превращалось из ироничного в сосредоточенно-внимательное.

— Я, может быть, говорю сумбурно?

— Нет, Александр Иванович, все понятно. Я, к сожалению, не специалист в области Семейного кодекса. Хотя вопрос очевиден, но... не так прост.

— Я пенсионер. У меня есть внук. Квартирой мы обеспечены. Я продолжаю преподавать в нашем университете. В чем могут быть сложности?

— Так сразу и не скажешь. По закону препятствий я не вижу, — Диана Васильевна встала из-за стола, подошла к окну, за которым уже текли ручьи и облака грязной воды тянулись за проезжающими машинами, — чтобы оставить ребенка у себя, вам необходимо оформить опеку над ним. Вы должны обратиться в органы опеки и попечительства своего района. Подать заявление и приложить к нему пакет документов: характеристику с места работы, медицинскую справку и т. д. Они вам скажут, какие документы прикладывать, — она говорила это, как автомат, глядя в окно, потом повернулась: — А вот дальше... Дальше все решают люди.

— Что, могут отказать? — вытянув шею, спросил дед.

— Мой вам совет: необходимо завести в этих органах лояльного вам человека. Тогда все решается проще.

— Конфетами, я так понимаю, тут не отделаешься? — поерзав на плоской столешнице, констатировал Гельфанд.

— Борис, ты, к сожалению, прав, — Диана Васильевна вернулась за свой учительский стол и стала свертывать газету.

— А просто так нельзя оставить?

- А медицинское обслуживание, а детский сад, школа. Не дай бог, что-то случится с ребенком, — она все свертывала и свертывала газету.
- Что ж? Все равно надо что-то делать. Пойду по закону. Спасибо, Диана Васильевна, Борис, я пойду, лекция у меня, — дед встал из-за стола.
- По расчетам модели надо встретиться, — уже вслед ему сказал Гельфанд.
- Да, да, завтра.
- Удачи, — услышал дед голос Дианы Васильевны, оглянулся: — Спасибо.
- Пойдите, Александр Иванович, если совсем упретесь, я постараюсь помочь.

* * *

На пяточке перед актовым залом толпились студенты, двери были открыты, и в проем было видно, что мест свободных нет. Дед с Гельфандом прошли в зал к высоким окнам, закинули портфели на подоконники и стали ждать выступающего. В зале сидел цвет университета: заведующие кафедр, лабораторий, научные сотрудники, кандидаты и доктора наук — они, до хрипоты dospорившиеся за чаем, решили услышать коллегу и будущего мэра. Дед рассматривал знакомые лица, кивал и вдруг почувствовал, что Гельфанд начал подпрыгивать, обернувшись, он увидел своего приятеля, гордо восседающего на подоконнике.

— А что, так удобно, — Гельфанд шлепнул себя по коленям.

Никто не заметил, как в зал залетел человек среднего роста и почти побежал по центральному проходу к сцене. Его заметили, когда он, уже простучав по ступенькам, взошел на сцену с гордо поднятой головой — зал заплодировал, не обратив внимания на могучего парня в кожаной куртке, вставшего у ближнего к сцене подоконника. Пока будущий мер представлялся как старый знакомый коллегам, на сцену вышла девушка, разложила папочку с материалами выступления на журнальный столик, уселась рядом, приготовила блокнот с ручкой и включила настольную лампу. Засветившаяся лампочка словно стала точкой отсчета — Волков достал из кармана пиджака диктофон, как бы небрежно поставил его рядом с лампой и нажал кнопку.

— Ну что, начали, — радушно обратился он к залу, скинул пиджак и повесил его на спинку стула.

Дед видел, какое впечатление произвели эти действия на университетскую публику, хоть и непростую, но неготовую еще к симуляции деятельности.

Дальше было краткое выступление, вдохновляющее и направляющее с обозначением проблем и решений, и кто-то в зале наверно подумал о беспорядке в лаборатории, и требующем ремонта спектроскопе, и о том, что надо бы закупить осциллограф, и даже марку того осциллографа вспомнил. Волков закончил говорить. «Прошу, коллеги, вопросы», — мягко обратился он в зал. В ответ тишина. Волков стоял над залом, расправив узкие плечики, гордо поднимая подбородок.

— Друзья, коллеги, Россия совершает сейчас революцию, и временные трудности переходного периода неизбежны. Мы считаем, что необходимыми условиями экономического подъема являются, во-первых, финансовая стабилизация, во-вторых, широкое привлечение средств частных инвесторов, прежде всего зарубежных, создание условий для роста сбережений граждан, нам необходим средний класс.

Тут дед услышал над ухом свистящий шепот Гельфанда:

— Страда сенокосная. Сами нищие, значит, Россию продавать будут.

А Волков продолжал отвечать на кем-то заданный вопрос:

— ...то, что именно вы приобрели эти две акции на свой ваучер, именно вам пользы, судя по всему, не принесло. А то, что в принципе экономика перестала быть то-

тально государственной, принесло пользу нам всем. Иначе экономическая стагнация продолжалась бы бесконечно.

— Когда этот переходный период все же закончится? — спросил задавший первый вопрос завкафедрой бывшего научного коммунизма.

Волков стал глубоко озабоченным, весь его вид показывал, что вот именно он сейчас и поднимает погрязшую в пыли застоя страну.

— Нам необходимо провести структурное изменение экономики. Мы идем семимильными шагами. Я не считаю, что хватит пятисот дней. Я бы умножил это на число «пи».

Далее Волков начал полет рук, потом воспользовался поданным секретаршей фломастером и начал рисовать график падения и будущего роста.

— Я уверен, что через четыре, ну пять лет Россия будет современной, процветающей страной с динамично развивающейся экономикой.

Дед посмотрел на грустного Гельфонда и решил задать свой вопрос.

— Абрамов. Кафедра геологии, — представился дед, выйдя в проход. — Дмитрий Анатольевич, хочу сказать за свою кафедру. Вот уже третий год почти все наши выпускники идут работать куда угодно, только не по специальности. Идут в риэлторы, в бизнес, челноками на рынках. К девяносто восьмому году они бы должны стать профессионалами, но не станут, а мой труд пустой. Полагаю, на других кафедрах ситуация похожая. Боюсь, Дмитрий Анатольевич, если так будет продолжаться, некому будет перестраивать нашу промышленность.

— Вы...

— Александр Иванович.

— Вы, Александр Иванович, пессимист. Нам необходимы сейчас люди с креативным мышлением, способные внести инновационность в деловой процесс. Специалистов у нас масса, наготовили без разбора. Уверен, ваши опасения напрасны.

По залу прошел легкий ропот, на деда оглядывались, дама лет сорока из администрации укоризненно сказала:

— Александр Иванович, как можно? Среди наших выпускников столько успешных людей. Создаются новые специальности. Не понимаю, — и качала головой.

Зал гудел, на местах что-то обсуждали. Волков поднял руку.

— Вам придется учитывать потребности рынка, который неминуемо заставит готовить только востребованных специалистов и прекратит выпуск ненужных.

В зале понемногу прекратился ропот, словно повернули ручку регулировки громкости на динамике, каждый задумался о себе.

— Сейчас, уважаемые коллеги, позвольте откланяться. Мне было очень интересно. Надеюсь, мы продолжим с вами встречи. Время, время. Очень много дел, — Волков надел пиджак, выключил диктофон и, сопровождаемый секретаршей, пошел через зал. Прямо за ним следовал крепкий парень. В зале захлопали крышки сидений, люди вставали, подходили к Волкову, кто-то старался попасть ему на глаза, напомнить о совместной работе: «Надеюсь, у вас все получится», — слышалось из-за спин.

— Спасибо. Все зависит от нас с вами. Привет, — Волков махнул кому-то рукой, — все в силе, жду тебя завтра. Извините, господа. Встретимся на выборах. До свидания.

Дед, еще когда увидел предвыборный плакат Волкова, подумал рассказать ему о детдоме, в котором был Васька, — чем черт не шутит, будущий мэр. Сейчас он просто встал на пути выходящего Волкова.

— Дмитрий Анатольевич, мне необходимо с вами поговорить.

— Какой у вас вопрос?

— Вопрос касается одного детского дома. Может быть, вам это тоже будет интересно.

Волков мгновенно среагировал:
— Танечка, посмотри, что у нас со временем?
Секретарша после достаточной паузы ответила:
— Завтра в восемнадцать тридцать есть окошко. В восемнадцать пятьдесят у вас встреча с заводскими.
— Славно. Александр Иванович, завтра в восемнадцать тридцать вас устроит?
— Вполне. Где?
— Моя приемная — Ленина, шестьдесят пять. Всего хорошего. Спешу.
Дед остался стоять в проходе, приятно удивленный точностью и деловитостью будущего хозяина города. Сзади подошел Гельфанд с двумя портфелями.
— Пойдем, Саша, я есть хочу.
Они вышли на центральную улицу города и медленно двинулись по аллее, разделяющей правое и левое движение. Чугунная ограда была еще наполовину в талом снегу, сквозь черные деревья блестело солнце в окнах знакомых домов, тянулись провода троллейбусов, летели грязные автобусы, и в них разъезжались домой жители города.
— Саш, я своего младшего отправляю с бабушкой на землю обетованную, — как-то виновато заговорил Гельфанд.
— Что так?
— Он у меня хорошо играет в шахматы, вот по программе поедет.
Они шли, вдыхая чуть розоватый городской весенний воздух.
— Следом уеду я, — прервал молчание Гельфанд, — потом уедут жена и дочь.
— Пожалуйста, закончи расчет, — после длинной паузы попросил дед.
— Саш, я скажу тебе по-еврейски: срал я на все эти слова наших политиков. Я должен дать детям хорошее образование — все... Я буду жалеть только о том, что не смогу прийти к тебе опохмелиться первого января.
Дед встал.
— Боря, ты же рюмку поднимаешь один раз в год — Девятого мая.
Гельфанд сделал еще пару шагов.
— Неправда, тридцать первого декабря я поднимаю бокал шампанского, — изо рта шел пар, весенний вечер тянул холод, — пойдем, Саша, в пирожковую, вон там, на углу.
Сейчас на том углу итальянский ресторан «Casa Mia», хотя нет, там уже «The Amber».

* * *

Звенящие капелью солнечные мартовские дни сменила непогодь с ветрами и мокрыми снегопадами. В тот вечер, когда дед шел на встречу с Волковым, сумерки засыпали город мокрым снегом, его хлопья не кружились, а валили, размазывая свет фонарей и окон, и уже у самых ног превращались в воду. Дед шел, обходя лужи, к крыльцу приемной Волкова. Перед входом на небольшой парковке, за шлагбаумом блестели в свете фонарей два джипа, вода тонкими струйками стекала с них на асфальт. У крыльца курили здоровенные парни, они профессионально рассмотрели деда, а один в спину ему спросил:

— Гражданин, вы к кому?
Дед уже под козырьком оглянулся.
— Я к Волкову.
В ответ был долгий взгляд.
— Нажимайте на кнопку и входите, — после паузы сказали от джипов.
В приемной за столом играл на компьютере тот парень, что был с Волковым в университете. Секретарша поливала цветы из кувшина.
— Добрый вечер, раздевайтесь.

— Я Абрамов.

— Да, я помню, вы записаны. Присаживайтесь, подождите — у Дмитрия Анатольевича гость.

Тикали часы на стене напротив, шипел компрессор в аквариуме, дед сидел в удобном кресле перед массивной дверью волковского кабинета, за которой слышался монотонный голос. Вскоре послышались неспешные шаги, и дверь распахнулась. В приемную вышел невысокий человек в дорогом костюме с аккуратнейшей прической, на пальце блеснул перстень. Пожалуй, только все это и выделяло внешность появившегося бесцветного человека. За ним в приемную вышел Волков.

— Сергей Львович, я думаю, беспокоиться не о чем, — продолжая разговор, быстро говорил Волков, — протокол собрания акционеров готов, дальше дело техники.

Парень, до того беззаботно игравший на компьютере, неожиданно легко встал и уже подавал со спины гостю плащ. Гость молчал и смотрел на Волкова, не спеша одеваться. После паузы гость привычно позволил себя одеть, повернулся к секретарше — его лицо уже ласково светилось.

— Танечка, вы просто чудо. Смотрю на вас, и сил прибавляется.

— Вы мне льстите, Сергей Львович.

— Зачем? Просто вы прелесть, — гость бросил взгляд в зеркало и вновь Волкову: — Сам будь там... Всего, — направился к выходу. Дверь гостю открыл телохранитель и вышел за ним следом.

После того как в двери щелкнул замок, Волков обратил внимание на деда.

— Здравствуйте, Александр Иванович. Заходите.

— У вас хорошая память.

— Это нормально... О чем вы хотели со мной поговорить? — несмотря на подчеркнутую деловитость Волкова, дед увидел, что хозяин приемной думал про другое.

В небольшом кабинете Волков предложил деду сесть у стола для совещаний, сам же, то ли подчеркивая демократичность, то ли ограниченность времени, сел рядом.

— Виктор Степанович, спасибо, что нашли время. Мне кажется, вы меня услышите. Я хочу с вами говорить о детях, о бездомных детях, — дед сделал паузу, чтобы понять, ждать ли отклик.

Волков живо откликнулся, его лицо сделалось озабоченным.

— Вы правы. Эта проблема очень остро стоит в городе. Я заметил, вы, Александр Иванович, смотрите в будущее.

Стало понятно, что будущий мэр в курсе проблемы, дед навалился на стол и с остатками наивности советского человека продолжил свое обращение:

— Да. И вы, как я вижу, тоже. Ясно, что нужна программа их спасения. Но не об этой программе я пришел с вами говорить. Надеюсь, вы займетесь ребятишками, когда вступите в должность. Помогите конкретному детскому дому. Дело привело меня недавно в этот дом. Там работают... хорошие люди. Но что они могут? Здание построено лет сорок назад. Ремонт уж лет десять не делался... да больше. Отопление, водопровод, канализация — швах. Проводка соплями висит, по сто раз забеленная. Пожарной сигнализации, по сути, нет. Я не строитель и не пожарный, но инженер и понимаю, что это просто опасно. Им не игрушки сейчас нужны. Необходимы капитальный ремонт и немалые средства.

Волков молча слушал, провел ладонью по лицу, как стирая усталость.

— Александр Иванович, мои помощники обязательно посмотрят и определятся. Тут нужна конкретика. Этот детский дом областного или городского подчинения?

— Наверно, городского. Он в Заводском районе. Вот адрес и телефон, — дед полез в карман достать заготовленный листок с контактами детского дома.

— Не надо, — остановил его Волков, — оставьте координаты у секретаря, — Волков откинулся на стуле, уперся глазами в окно, за которым плясала непогода, — да, как все запущено. Просто куда ни глянь. Вы в министерство образования области или города обращались?

— Обращался... Знаете, есть старый советский мультфильм, и в нем есть: «Двое из ларца, одинаковы с лица»? Вот это о наших чиновниках.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Волков. — Сейчас только ленивый не ругает чиновников. Убрать? А с кем работать? Я постараюсь разобраться. Сделаю все, что смогу. Это мой долг.

В это время на столе зазвонил телефон. Волков не торопясь прижал трубку к уху.

— Пусть подождут пару минут, — положил трубку. — Александр Иванович, сейчас у меня встреча. Координаты детского дома оставьте у Тани.

— Спасибо, я надеюсь, — дед был хоть и совок, но поднимаясь на выход, он чувствовал формальность.

Волков остался сидеть, наблюдая за дедом через прикрытые ресницы.

— Александр Иванович, почему вы так пессимистично смотрите в будущее?

Дед не хотел этого разговора, чувствуя такую вероятность, но у самого-то в голове был комок давно передуманных мыслей. Встав у стола, он оперся на него рукой и заговорил.

— Я пришел к вам с одним вопросом, решить который в вашей воле. Но... Я думаю, у нас нет объективных причин достичь процветания России.

— Почему ж так?

— Все сложное дорого стоит. Вы все сведете к трубе, сиречь к бублику и иллюзии вставания с колен. Извините.

Волков понимал, что перед ним не обычный проситель, и готовился потешить себя небольшой пикировкой, но не до такой же степени.

— По-вашему, России конец?! — повысив голос, спросил он.

— Надо дать заматереть медвежатам. Еще лет тридцать.

— Кому?!

— Я так ребятишек называю... некоторых. До свидания.

Дверь распахнулась нетерпеливыми посетителями, и навстречу деду вошли трое: двое тусклых — просто исполнители — и третий большой, в малиновом пиджаке, черной водолазке — пан спортсмен. Дед вышел сквозь них и, пока надевал пальто, слышал через приоткрытую дверь:

— Здорово, Анатолич, — прозычал спортсмен и со скрипом уселся на стул. Потом дверь закрыл кто-то из еще стоящих у входа исполнителей.

— Присаживайтесь, — Волков встал, медленно подошел к своему столу, и не слушая приветствие, сел в кресло. Он все не мог оторваться от последних слов деда. Потом Волков выпрямился и стал большим руководителем — он вообще сидя выглядел больше, чем был на самом деде.

— Ну что, документы в ажуре? — голосом с металлической нитью, расставляя слова, Волков обратился к исполнителям.

Тот, что сидел ближе, достал папку искусственной кожи — даже пахло химией (тогда еще довольствовались заменителем) — и сброшюрованные бумаги.

— Убедитесь, Дмитрий Анатолевич, это оригиналы. Собрание назначено, нужные люди оповещены.

Волков не торопясь, как бы нехотя взял бумаги, медленно стал листать.

Исполнители, затаив дыхание, ждали, спортсмен скрипел стулом и мотал на пальце ключами от авто. Исполнитель, сидевший вторым, вытянулся через плечо соседа к середине стола и спросил:

— Дмитрий Анатольевич, хотелось бы уточнить по объектам: инструментальный цех, КБ, ремонтное производство входят в список?

Волков поднял глаза от бумаг.

— Это не актуально, — перелистнул страницу, важно поджал губы, — сейчас не актуально, — бросил брошюру на стол, откинулся вальяжно на спинку кресла и начал поворачиваться вправо-влево, — ты будешь их кормить?!

— Я так, я для уточнения, — оправдывается второй исполнитель.

Волков уже его не слушал, он повернулся к спортсмену.

— Игорь Ильич, пока не забыл, у Танечки возьми координаты детского дома. Съезди на разведку. Узнай, что им надо. Мероприятие должно произойти не позднее, чем на следующей неделе. ТВ, пресса, все чики-чики. Понял?

— Оф кос.

* * *

Женька, наклонясь над книгой, сидел в кресле с ногами. Справа на письменном столе горела настольная лампа, дальше было окно, в которое бился ветер и хлестал мокрый снег. Напротив в полумраке стоял книжный шкаф, и в его задвинутых стеклах отражалась лампа, и корешки книг смотрели с полок. На кровати у стенки рядом с книжным шкафом возился Васька, он что-то придумывал, наговаривал и наконец сел, закутавшись в одеяло — только голова торчала из складок.

— Жень, почитай мне, — прошептал Васька.

— Это взрослая книга. Спи.

— Интересно же.

Женька посмотрел на пацана, перелистнул несколько страниц назад.

— Слушай, — сглотнув, он начал читать.

— Утром в ржаном закутке, где златятся рогожи в ряд, семерых оценила сука, рыжих семерых щенят. До вечера она их ласкала, причесывая языком, и струился снежок подталый под теплым ее животом. А вечером, когда куры обсиживают шесток, вышел хозяин хмурый, семерых всех поклат в мешок. По сугробам она бежала, поспевая за ним бежать... и так долго, долго дрожала воды незамерзшая гладь. А когда чуть плелась обратно, слизывая пот с боков, показался ей месяц над хатой одним из ее щенков. В синюю высь звонко глядела она, скуля, а месяц скользил тонкий и скрылся за холм в полях. И глухо, как от подачки, когда бросят ей камень в смех, покатались глаза собачьи золотыми звездами в снег.

Он, закончил читать, поднял глаза на Ваську. Вася сидел, все так же закутанный в одеяло, огромные его глаза блестели в полумраке слезами. Так они глядели друг на друга и становились братьями.

Дед отворил дверь своим ключом, скинул мокрые ботинки и, удивляясь тишине, прошел в гостиную, потом открыл дверь в комнату мальчишек.

— Че притихли? А, братцы?

* * *

Люська готовила выставку своих фотографий для школы, и сухановская компания вызвались ей помочь сделать стенд. Ребята остались после уроков, к ним присоединились Лена с Таней — короче, вечерок должен был пройти весело. Женька с Алексеем взяли у трудовика инструмент, рейки и неспешно собирали решетку. Пашка Суханов клеил уголки для фотографий. Лена рисовала на ватмане название — «Вес-

на 1994 года», сосульку и солнышко. Люся раскладывала фотографии на столах, откладывала лишние в сторону. Мануля с Таней сидели на подоконнике и комментировали процесс.

— Елохова, а ты че, после школы папарацци будешь? — стуча каблуками по батарее, прикалывалась Таня.

— Да. Буду все чипокать, — Люся подрезала фотографию и отвечала медленно, нахмутив брови.

— Все или всех чипокать? — продолжала прикалываться Таня.

Люська пропустила вопрос.

— Тут надо с серьезными людьми познакомиться. Вот тогда получится. Будешь их тусовки снимать, звезд ловить, — советовал Мануля, прижимая колено к подбородку.

— Люсь, возьми его к себе в осветители, — хихикнув, предложил Блин.

— Я согласен, я согласен, — Мануля спрыгнул с подоконника, — главное, попасть в правильную среду.

— И меня с Ленкой возьми. Мы будем тебе интересных мужчин подводить, — с полифонией в голосе рекомендовала Таня.

— Олигархов. А ты, Люська, их чпок-чпок-чпок, — Блин говорил и завинчивал очередной саморез в рейку.

Так, с приколами, неспешно ребята собирали стенд с историей их класса и школы, рассматривали снимки, вспоминали прожитый год. Это было еще то время, когда школу не закрывали после уроков, на дверях не сидел охранник, а дежурная техничка охраняла покой учебного заведения. Время шло, за окнами уже потемнело, зажглись окна в домах напротив, и по улице Мира реже сновал транспорт. Лена закончила рисовать и рассматривала фотографии,

— Ой, это же Юрий Петрович.

Физрук жмурился от солнца и грозил незлобиво пальцем — на куртке след от снежка.

— Это он мне грозит, — Мануля замахал рукой, — Люсь, сделай еще мне этот снимок.

В это время дверь распахнулась, и зашла их классная Алла Павловна — Алла, как ее называли в классе. Ребятишки притихли, Таня спрыгнула с подоконника.

— Что-то вы припозднились, — Алла прошла к разложенным на столах фото. — Люся, можно посмотреть?

— Конечно, Алла Павловна, вот тут уже отобранные.

Алла увидела фото в руках Лены.

— Вот и Юрий Петрович в историю попал. Интересно было бы посмотреть эти фотографии лет через десять. А там что за фотографии? — Алла обратила внимание на фото, лежащие на скамейке, шагнула и взяла верхние.

— Эти, я не знаю, надо ли ставить, — Люся подошла к Алле.

В руках учителя оказалась черно-белая фотография большего формата, чем все остальные. Крупно, контрастно, в центре сидел старик в зимнем пальто с каракулевым воротником, шапка-ушанка сдвинута набок, и лицо удивленное, а если поднести фото ближе, то в глазах у старика боль, а может быть, боль и крик. За стариком, на стене остановки, расплывалась почти на весь лист белая свастика.

— Почему сомневаешься? — Алла не отрываясь смотрела на снимок.

Люся молчала.

— Это я отговариваю ее показывать эту фотографию. Тема-то — весна, — ответила за Люсю Таня.

— А что непонятно-то? Пацаны готовятся ко дню рождения Гитлера. Это ж правда — значит, пусть висит, — Суханов поднялся с пола от уже почти готового стенда.

— Миша, ты как считаешь? — Алла обратилась к Манну.

Мануля поправил очки, потоптался, как-то неловко развел руки в стороны.

— Пусть висит.

— А вы, ребята, что скажете? — Алла посмотрела на Блинова с Абрамовым.

— Покажи всем, Люсь. Посмотрим. Я хочу знать, че «фашики» хотят? — Блин говорил серьезно, стоя у стены с отверткой в руках, и смотрел в глаза учителю. Алла даже вздрогнула от его слов.

— Тебе, значит, интересно?

— Да.

Женька не встал от недоделанной части стенда, его голос прозвучал по классу просто и спокойно:

— Вешай, Люся.

Алла Павловна смотрела на ребят — тихо было, только шум улицы да капель из приоткрытого окна. Алла только сейчас заметила склонившуюся над ватманом Лену.

— Лена, а ты как думаешь?

Русая челка закрывала лоб, на учителя смотрели блестящие тревожные глаза.

— Алла Павловна, а как же мой дедушка? Он меня в Сталинград возил. Надо знать.

Если бы не годами выработанная строгость, то ребята увидели бы сейчас другую Аллу — она сейчас ругала себя, плакала, спрашивала своего мужа-офицера Советской армии: как так случилось? Я зачем? Годы, годы!!!

— Люся, давай покажем эту фотографию, — твердо сказала она.

— Зачем вам проблемы, Алла Павловна? Разговоры всякие будут. Еще не так поймут, — с вызовом сказала Таня. Все это время она, как старшая, наблюдала за ребятами, и сейчас ее голос прозвучал по классу окриком.

Алла подумала: а ребятки-то взрослые. И сказала твердо:

— Надо, чтобы поняли.

Она подошла к окну. Весенний обманчивый ветерок дышал ей в лицо.

— Тает. Скоро весь снег сойдет..., — повернулась к своим ученикам и, высоко подняв голову, заговорила:

— Когда началась война, мне было восемь лет. В нашей школе был госпиталь для эвакуированных ленинградцев, а в школьном сарае лежали мертвые люди. Они умерли от дистрофии, не доехав. Их выносили из эшелона под мост, прямо в снег, и моя мама с другими женщинами поднимала их из снега, затаскивали в сани и везли в тот сарай. Мы с ребятами бегали смотреть на них в щели. Полный сарай замерзших людей. Было холодно и страшно..., — Алла склонила голову и так продолжила говорить: — Может быть, я, как этот старик на фото, — она подняла голову, — никогда! Слышите, никогда вы не должны пойти за этим знаком, — Алла показала пальцем на фото.

Таня бодро подошла к окну.

— Конечно, никогда. Алла Павловна, сейчас за мной приедет папа. Мы вас можем отвезти домой.

— Спасибо. Снежную кашу топтать сейчас совсем не хочется. Я подожду в учительской. До свидания, ребята, — Алла вышла из класса и тихо прикрыла за собой дверь.

— Суханов, мы и тебя подвезем, — продолжила Таня.

— Е-е, в «крузаках» я не ездил, — Пашка просто не хотел с ней ехать, — лучше Манулю подвези, ему ехать дальше.

Манн запел:

— Не... не... не откажусь.

В это время свет фар полоснул по школьному двору.

— Let's go, — скомандовала Таня, — Good by всем. Лен, ты, конечно, с нами.

— Меня до «Динамо».

— Все тренируешься, тренируешься — жить уже надо.

Таня выпорхнула из класса. Мануля виновато раскланялся: «Вот, вот...» — и побежал за ней.

Женька встал. Лена сказала всем: «Пока», а глядела только на него, а он на нее.

— Все, я побежала, — Лена подхватила свой рюкзачок, и уже строчка каблучков по ступеням летела, затихая, и хлопнула дверь вниз.

Блин запустил молоток в угол и запел на всю школу:

— Прощай, Америка о... Японцы всех сделали... А у нас есть УАЗ. Хочу «субару». Все! — Он посмотрел не всех с высоты своего роста.

— Ты че орешь? — спросил его Пашка.

— Свобода. Школа наша. А-а-а!

Пацаны прыгали, что-то орали, толкались, а Люся смотрела на них и не узнавала. Блин подхватил ее за талию и поставил на стул — она и брыкнуться не успела.

— Люська, завтра у тебя премьера.

Пацаны встали рядом с готовым стендом.

— Ну че, понесли? — спросил Пашка.

— Подожди, дай посмотрю, — Люська спрыгнула со стула, встала напротив, кивнула: — Понесли.

В коридоре, там, где уже висели рисунки малышей о весне, они установили Люськину выставку.

* * *

Ребята вывалились гурьбой на школьное крыльцо, а вслед им еще несло ворчание технички:

— Я не подряжалась стеречь ваши куртки.

В те времена в городе еще не запирали ворота и калитки школьных заборов, да и заборы не всегда были. Дверь парадного входа гостеприимно была приоткрыта, к ней в снежной каше протоптана дорога ребячьих следов. С крыши, как вторая луна, светил одинокий прожектор — тишина, только где-то за старыми школьными кленами слышался шум шоссе.

С первого класса ребята привыкли уходить домой по короткой дороге через пролом в кирпичном заборе, туда тоже тянулась протоптанная дорожка. Они весело свернули за угол школы, поддерживая друг дружку, чтобы не упасть на талой наледи, и встали. В свете прожектора они увидели спины идущих к пролому людей — что-то мрачное было в этом движении, шли четверо, оступаясь в мокрый снег по краям тропки, не торопясь, не крадучись. Люся схватила Блина за рукав, прижалась к нему, не в силах оторвать глаз от идущих к пролому. Ребята увидели, что второго идущего тащили на веревке. Человек в одном свитере упал на колени, и послышался звук, напомнивший плач. Его поволокли по воде к пролому, и плач уже стал воем. Потом его пинали двое ближних, и уже на земле один, наклонясь, бил его наотмашь рукой.

Ребята прижались к стене школы, и кто-то подумал, как вызвать милицию, и что школьный телефон в одном шаге, и что не успеют они: человека убивали.

Женька поднял воротник куртки и шагнул вперед — прошедших мгновений ему хватило, чтобы оценить диспозицию. Сухарь и Блин невольно шагнули за ним, а Люся прижала ладошки к лицу.

— Стоять здесь, — не оборачиваясь, сквозь зубы остановил их Женька, а сам на ходу уже вытаскивал вязаную шапочку и натягивал ее на глаза. Движения парня звериные, мягкие, он черной тенью заскользил к пролому.

Все произошло на глазах ребят — не драка, это был бой. Люська, маленькая девочка, оторвала ладошки от лица, схватила свою «мыльницу» и снимала, снимала, снимала... Блики вспышки выхватывали из темноты страшное, и вспышка загоралась все слабее и слабее.

Три тела валялись в снежной каше. Женька подошел к полусидевшему у забора человеку, живые, остекленевшие глаза блестели ему из темноты — это был Файзулло, в вытянутом свитере, дрожащий, с разбитым лицом. Женька снимал с него веревку и все говорил, говорил ему по-таджикски, а Файзулло молчал и смотрел в небо. Потом Женька поднял его и повел к школе. Когда они проходили мимо лежавших, дворник заплакал, а уже у школы таджик вдруг упал на колени.

— Молиться за тебя буду, — и обнял Женькины ноги. Это все видели ребята и стояли, как замороженные.

— Ноги в руки и мотай отсюда. Документы не забудь, — Женька схватил таджика за плечи и стал поднимать, — Мотай отсюда! — уже орал он, схватил за шиворот и рывком поставил. — Бегом! — и толкнул его в спину еще и еще раз. Женьку начало трясти.

— Наших резали. Пошел!!! — Женька орал и плакал.

Высоченный Блин первым схватил Женьку обеими руками и прижал к себе, Сухарь обхватил Женьку сзади. Люся, вся в слезах, лицо просто мокрое, обняла мальчишек сзади. Так стояли они, обнявшись, на школьном дворе под прожектором, а вокруг звенела капель и ручьи шелестели между деревьев. Женька опомнился первым, он отодвинул ребят.

— Пошли.

Блин оглянулся на Люсю.

— Ну ты че, Люсь? — И вытер ей лицо ладонью.

Они бежали через школьный двор к воротам, потом по улице, огибая редких прохожих, балансируя руками, чтобы не свалиться на мокром льду. На перекрестке они встали перевести дыхание, и Люся заглянула в лицо Женьки.

— Генерал, а что с теми будет?

Все молча ждали Женькин ответ.

— Я иду к таксофону. Вы — по домам.

Ребята не двинулись с места. Сухарь глянул на Женьку и сказал:

— Мы, это... там не были. Мы там все не были. Пацаны, ни слова!

Люська стояла, ухватившись за рукав Блинова, и была с ними, как они.

Женька нашел таксофон не сразу, только на третьем висела трубка и шли гудки. Он набрал ноль три, назвал адрес и количество пострадавших. Ему кричали в ухо: «Кто вы, кто?!» Он повесил трубку, и пошел к школе. Он уже знал, где встанет, и шел окружным путем, тянул время. Когда он сворачивал к железным гаражам, что чернели на задах школы, за стадионом, он увидел въезжающий в школьный двор милицейский уазик, две «газели» «скорой помощи» уже белели перед школой. Женька встал в узком проходе между гаражей, у металлической школьной ограды и стал смотреть.

На носилках несли к «газелям» сначала одного, потом второго — его рука болталась, по самое плечо спустившись с носилок к земле. Санитары шли, проваливаясь в мокрый снег, ступая в ручьи, звук их шагов доносился до Женьки. У «газелей» стояли врачи — мужчина и женщина, их руки были глубоко засунуты в карманы халатов, надетых поверх курток, они что-то говорили, мужчина качал головой, глядя под ноги. Носилки заскребли по направляющим в чрево медицинских карет, и лязгнули задние двери — сначала одна, потом вторая. Вот подошла третья машина «скорой помощи». К пролому спешили с носилками санитары и опера, уже чавкали по воде, нагибаясь и светя фонариками. Рядом с врачами стоял человек в штатском — к нему подошел

подчиненный опер и, подняв к свету, показал петлю и блеснувший кастет. Штатский взял кастет и вдруг вышел за машины, встал и начал глядеть в черноту. Женька стоял у прутьев ограды и смотрел на опера.

* * *

Лена выбежала в фойе манежа «Динамо» и глазами искала Женьку. Он стоял у застекленного выхода и улыбался ей.

— Пойдем, я готова, — она подхватила его под руку и потянула к двери. Женька согнул руку в локте, и она увидела разбитые костяшки пальцев: — Что это?

— Это? Ерунда, — Женька продолжал улыбаться, но его улыбка только еще больше насторожила Лену.

— Что случилось? А рука разбита? — она взяла его вторую руку, там тоже были ссадины. — Жень? — Лена повернула его к себе, а он, хоть и перестал улыбаться, смотрел на нее ласково.

— Чуть-чуть сбил. Смотри, даже весь чистый, — Женька повернулся вокруг себя, и это все успокоило сейчас Ленку. «Что-то мальчишки учудили», — подумала она, или почти так.

Они шли вдоль шоссе, потом ехали на троллейбусе, о чем-то болтали, она смеялась и потом положила голову на его плечо. Ему было неожиданно и приятно.

Потом они шли по своим дворам, и когда за деревьями зажелтел фасад их школы, Женька вспомнил про руки. «Прокол», — подумал он и вдруг, плюнув на все это, обнял Лену, прижал крепко-прикрепко — они еще не целовались.

— О, я же говорил. Тут они пойдут, — послышался голос Пашки.

Подшли ребята. Ленка смотрела на них, на Женьку, и сердечко застучало быстро-быстро.

— Пойдем обсудим. Ленка не знает? — Пашка говорил делово.

— Что я не знаю?! Жень! — Лена чуть не плакала.

— Тут есть бойлерная, там перетрем, — оборвал Ленкин вопрос Блинов.

А Лена уже трясла Женьку за куртку: «Женя?!»

Женька опустил ее руки.

— Айда в бойлерную.

* * *

Ровно гудел электродвигатель насоса, блестели стеклами манометры, и дрожали стрелки по шкале далеко от красной отметки. Суханов смахнул щеткой пыль с верстака и уселся на него, широко расставив колени.

— Сейчас менты найдут дворника. Это как пить дать.

Ребята стояли среди труб, в тусклом свете контрольной лампочки. Все смотрели на Женьку, Женька молчал.

— Не менты, так «фашики», — продолжил Блин, — короче, герилья намечается.

Насос качал горячую воду, кабели были аккуратно закрыты гофрами и прятались в соединительные коробки, слесарные тисы, на которые оперся Сухарь, стояли готовые к работе, в хрущевках горели окна, было тепло — город жил и хотел жить.

— Что такое герилья? — прервал молчание голос Лены.

— Герилья — это партизанская война... сейчас в городе, — ответил Блин.

— Нужны стволы, — громко сказал Сухарь и ударил себя по коленкам.

Снова молчание в тусклом свете районной бойлерной, и пацаны где-то посредине огромного города думают, как жить.

Люська вертела головой, заглядывая каждому в глаза, не дождавшись ответа, оттолкнула Блинова и с размаху ударила кулачком по верстаку — стало больно, она прижала руку к груди и, плача, закричала:

— Вы чего?! Мальчишки! Стрелять?! Генерал, скажи!

Все смотрели на Женьку, Лена держала его за куртку обеими руками и смотрела в глаза.

Женька заговорил твердо, каждое слово вбивал, как гвоздь, он ставил задачу своей армии:

— Мы шли через ворота. Руки я разбил на «качке», Алексей, подтвердишь, «качка» в твоём подъезде. Таджики не сдаст — не видел он меня.

Женька, не стеснясь, обнял лицо Лены руками, его пальцы чувствовали всегда, волосок к волоску, собранные в култышку волосы.

— Лена, ничего не было, — он повернулся к ребятам. — Всем ясно?! Люсь, кассету дай.

— Чего? — почти шепотом спросила Люся.

— Кассету, — Женька протянул руку.

Люся, как автомат, подчиняясь команде, достала из сумки «мыльницу», включила перемотку — свист моторчика стих.

— На, — фотоаппарат лежал у нее на вытянутой руке, перед глазами Женьки. Он спокойно достал кассету и рывком выдернул пленку.

— Все, — сидя на верстаке, подытожил Сухарь, достал из внутреннего кармана плоскую бутылку виски, свернул пробку и отхлебнул из горлышка. Бутылка пошла по кругу. Лена мотнула головой. Люся молча взяла бутылку и, запрокинув голову, сделала большой глоток — Пашка только успел подхватить бутылку, — ладошками схватила за рот, и глаза в пол-лица. Ей сунули бутылку пепси.

— У бати спер? — спросил Суханова Блин.

Тот махнул рукой и еще отхлебнул.

— Генерал прав, так и будем.

— Мальчишки, я больше никогда не буду светить пленку. Слышите? — У Люськи заплетался язык, она уже почти повисла на Блинове. — Никогда!

Алексей взял девчонку под мышки и усадил на верстак. Она сама взяла у Суханова бутылку и отхлебнула.

— Ребят, ведь там эти, на снегу, — наши. Они же наши! — она упала щекой на грудь Алексея. — Блинчик, пойдем домой.

* * *

Дед был весь как на иголках, смотрел на расставленные шахматные фигуры, механически показывал Ваське правила игры, а сам думал о Женьке. Часы уж приближались к полночи, и Васька давно должен был спать, когда в прихожей прозвенел звонок. Васька побежал открывать дверь, потом вернулся и уселся рядом с дедом. Женька вошел в гостиную, встал посередине.

— Дед, я буду служить. Я буду офицером.

Вася смотрел на Женьку, кулачки вцепились в край дивана, потом он посмотрел на деда и снова на Женьку.

— Что случилось?

— Все нормально, дед. Я решил.

— У тебя светлая голова. Чего ты хочешь по жизни? Чего?!

— Я буду генералом.

— Что?!

— Я пацанов буду беречь. Я пройду все и буду много учиться. Я все пойму.

— Мальчишка! — дед встал с дивана и начал ходить по гостиной. — Мальчишка! Что ты хочешь понять? Я не должен тебе это говорить, но скажу, пора. Васька, тоже слушай, — дед подошел к окну, повернулся к ребятам. — Жизнь одна. Ты, Евгений, сам все видел. Наши слуги народа. Кто они? Они же презирают нас и всю страну, как до-рвавшиеся до денег и власти... — дед не нашел слова. — Они, как куски мяса, кидают вот таких мальчишек в огонь, что-то говорят, а сами считают выручку... — дед закрыл лицо руками, потом положил ладони на батарею, — пусть так. Ты пройдешь все. Кем ты станешь? Кем ты станешь, выполняя приказы мерзавцев? Ты это хочешь понять?! Поздно будет, когда поймешь.

— Я пойму науку побеждать. Я крещеный.

Дед смотрел на внука — удивление и гордость, все сразу захлестнуло деда.

— Тебе крестик поможет? — уже теряя слова, спросил дед.

На деда глядели пацаны, Васька встал рядом с Женькой.

— Когда крестился?

— Перед самой войной. Помнишь, мы ездили к маме на родину, в Ярославль. В Толском монастыре и крестился.

— А Володьку мы с Верочкой не крестили. Тебе... — дед как споткнулся, глянув на Ваську — мальчишка вытянулся рядом с Женькой и смотрел в упор в глаза деду, как взрослый, — вам много надо узнать и понять. Один твой прадед погиб в сорок втором. Второй, Иван, и пожить после войны не успел — раны. А бабушка твоя под-ростком у электролизных ванн работала в войну — тоже пожила недолго. Володька, Валечка погибли. Что дальше?

— Дед, все напрасно? — Женька положил руку на плечо Васи, а тот поднял свое ребячье лицо к нему. — А, Вась? Визжать от удачно взятого кредита и курс бакса по телику следить? И так всю жизнь? Мерзавцам служить не буду.

Васька — всклокоченный птенец, взял своими ручонками Женькину ладонь с раз-битыми косточками, прижал к щеке.

— Я как Женька.

Дед грел ладони о батарею.

— Старый я. За ребят страшно.

* * *

В кабинете районного отдела милиции стучала печатная машинка, опер медленно ударял по клавишам — набивал протокол. В углу громоздились коробки с персон-альным компьютером, но распаковать их не было времени, да и учиться работать на новом аппарате тоже было некогда. За столом напротив друг друга сидели Федор Федорович — старший опер — и Файзулло. Между ними на пропитанной жиром бума-ге лежал серый кусок халвы. Федор Федорович перочинным ножом кромсал халву на мелкие части.

— Вот че ты приперся к нам? У вас же тепло. Уже, наверно, розы цветут. Тезка, ведь ты уже взрослый мужик, уже в возрасте.

Файзулло взял трясущейся рукой маленький кусочек халвы, положил в рот — по лицу его текли, текли, текли слезы, и губы дрожали, рассасывая сладость. Федор Фе-дорович не мог смотреть на это, он встал и отошел к окну. За решеткой занималось апрельское утро, и легкий утренник подморозил уже почти голую землю.

— Ну как серпом по яйцам, — выругался опер.

— Школу закрыли... В шестьдесят пятом я ездил с отцом в Ленинград. Мне очень понравилось, — слышался тихий голос Файзулло.

Федор Федорович оглянулся на таджика, потом на колотившего протокол товарища — тот перестал стучать и поднял голову. Опер развернул от окна свое упругое тело так резко, что из расстегнутого пиджака мелькнула кобура с «макаровым» — он как загнанный зверь в этом привычном, тесном кабинете, и глаза прошлись по углам потолка.

— Серый, че ты налил, — он с силой толкнул казенный графин с водой так, что тот только случайно задержался на краю стола, — в душу бога. Ты маленький, учить надо?! Зови конвоира. Бляха муха. Сержант!!! — и рукой по кнопке вызова с размаху.

Дверь кабинета сразу открылась, силуэт могучего конвоира закрыл проем.

— Забирай. Помести в тихую. Дай выпатся. Чай ему отнесешь, — потом уже в спину таджику: — Бери халву, тезка. Живы твои убивцы.

Когда за конвоиром закрылась дверь, Федор Федорович снова подошел к окну и стал наблюдать за синичками — через окно доносилось чириканье. Напарник не стучал на машинке — молча ждал.

— Таджика отправляем домой. Нам лишних трупов не надо. За бойцом этим последуем... Все равно проявится.

— Кто ж таких быков завалил? Бэтман? — спросил напарник.

— Пушкин. Трое на одного. Как-то не по-русски.

* * *

За неделю до наступления мая по всему городу начали продавать разного калибра куличи, пасхи, батареи кагора запестрели этикетками среди заморских вин, и все это сметалось привыкающими к новому празднику горожанами. Первого мая, в воскресенье, город со спокойной радостью отпраздновал Святую Пасху. В небе играло солнышко, и под ногами хрустели усыпавшие тротуары лопнувшие тополиные почки. Воскресенье сменил понедельник, и солнечные денечки побежали дальше, накидывая зеленые полушалки на тополя, клены, липы, дыша горьковатой свежестью листьев.

День Победы в английской школе прошел почти незаметно. Накануне в субботу Вера Павловна — учитель литературы, которую между собой ребята называли «Палкой», рассказала ребятам о миллионах погибших, о полях, усеянных костями незахороненных павших воинов, которых гнали на пулеметы, и очень спокойно объявила, что день этот, девятое мая, сейчас должен стать днем поминовения усопших воинов.

Урок математики шел по плану. Алла стояла у стола в строгом костюме цвета Черного моря, белая блузка обнимала ее шею, подчеркивая праздничность.

У доски отвечал Мануля — график гиперболы улетал куда-то в небо, и формула строчкой выходила из-под его руки.

— Как смещается кривая при изменении коэффициента «а»? — спросила Алла и развернулась к классу. — Все рисуют в тетрадях, а Манн на доске.

Мишка начертил кривую рядом и, почесав свою кудрявую голову, все рассказал.

— Спасибо, Миша, — Аллу прервал резкий звук школьного звонка. Класс зашумел, собирая сумки, ребята уже были готовы сорваться поскорей на улицу — понятно, это был последний урок перед выходными восьмого и девятого мая. Алла подняла руку, призывая к тишине. — Тише, минуту внимания. После выходных, во вторник, десятого мая, нас посетит мэр нашего города. Вероятно, он придет в наш класс. Он намерен ознакомиться с нуждами школы, — говорила Алла и видела, что всем по фигуре и класс уже за окнами.

— Решил попиариться? — с места сказал Пашка.

— Суханов, серьезнее. Наверно, он расскажет о том, как он намерен помочь школе. Он хочет просто поговорить с вами. Отвечайте вежливо и старайтесь говорить кратко и ясно.

Все ждали, когда ж Алла скажет: «До свидания» — и свалит. А она вдруг вышла на середину класса, встала перед доской и тихо начала читать стихи. Класс, пошумев, затих, а Алла читала стихи и смотрела ребятам в лица, угадывая: кто ж они?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред Господом Богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

Расцвели и опали... Проходит четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья ремесел,
нам досталась на долю нелегкая участь солдат.

У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя —
только сила и зависть. А когда мы вернемся с войны,
все долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордиться сыны.

Ну а кто не вернется? Кому долюбить не придется?
Ну а кто в сорок первом первую пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забудется, —
у погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жен.

Кто вернется — долюбит? Нет! Сердца на это не хватит,
и не надо погибшим, чтоб живые любили за них.
Нет мужчины в семье — нет детей, нет хозяина в хате.
Разве горю такому помогут рыданья живых?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
тот поймет эту правду, — она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, —

это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

А когда мы вернемся — а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы, —

пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
матерей и подруг расцелуем, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем —
все долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.

Затих ее голос, Алла стояла в своем костюме цвета Черного моря, в белой блузке, маленькая, стройная, с высоко поднятой головой.

— Чьи это стихи? — спросил Манн.

— Семен Гудзенко. 1945 год. Пожалуйста, не забывайте их... До свидания, ребята. Домой.

Класс, помедлив, зашумел и сорвался с мест.

— Абрамов, Женя, — Алла остановила проходившего мимо Женьку, — проводи сегодня меня до троллейбуса. У меня сумка тяжелая.

Женька махнул своим рукой, мол, идите, я позже приду.

* * *

Алла Павловна и Женька шли по тротуару ровно той дорогой, которой пацаны убежали тем апрельским вечером. До троллейбусной остановки было недалеко: тополиная аллея, потом самопальный рынок с чередой затянутых в решетки киосков. Женька нес пухлую сумку со стопкой контрольных работ. Алла остановила его на аллее:

— Женя, милиция продолжает разбираться с тем случаем, — она говорила и глядела на еще не зажившие костяшки руки, которой Женька нес сумку.

Женька перехватил сумку в другую руку, посмотрел на разбитые костяшки и промолчал.

— Вы в тот вечер стенд готовили в школе... Я знаю, многие ребята бегают через тот пролом в заборе. И Блинов, и Суханов там ходят с первого класса. Неужели ничего не заметили в тот вечер?

— Мы шли через ворота, вот тут. По грязи не хотелось топтать.

Они продолжили идти. Рынок вяло торговал, гора так и не вывезенного с зимы мусора грелась на солнце рядом с киоском, пьяные парни ругались с продавцом через решетку окошка.

— Мне спокойно идти с тобой. Тебя не зря Манн назвал Генералом.

— Время покажет.

Они подошли к троллейбусной остановке, и Алла решила задать вопрос:

— Женя, если бы вы пошли там, если бы увидели, что бы вы сделали? Что бы ты сделал? — Алла смотрела в глаза Женьки, а он молчал.

— Ты очень похож на своего отца, — не дождавшись ответа, заговорила Алла. Ей очень захотелось провести по его волосам, но она не решилась, — иди к ребятам, Женя, — она взяла сумку из его руки.

Провода качались, Женька видел это и заговорил тогда, когда уже не было времени для длинного разговора.

— Алла Павловна, я бы тех парней завалил совсем. Если бы видел.

Она застыла и только качала головой, несогласная со сказанным.

— Нет, Женя, — шептала она.

— Вы тут в России сошли с ума, — тихо произнес Женька и безжалостно смотрел учителю в глаза, но осекся: ему стало жаль ее.

Сверкая стеклами, подкатил троллейбус — светлое пятно у загаженной остановки.

— Прости меня. Прости, — она, оглядываясь, зашла в троллейбус, села у окна и все смотрела на Женьку в окно, потом опустила голову в руки, а троллейбус медленно покатил дальше.

Женька отошел к остановке, сел на лавку, потом резко встал, как стряхнув ненужные сомнения, и вышел на улицу. В углу за спиной завозился, застонал бомж.

* * *

Сухарь и Мануля боролись в куче песка рядом с ямой для прыжков в длину — толстый и тонкий. Они пыхтели, ухватив друг друга за руки, делали подсечки, трясли и оба не сдавались. Манн, как осинка под ветром, сгибался и делал грозным лицо, Суханов, весь красный, смеялся. Их подбадривали собравшиеся вокруг одноклассники. Женька пришел, когда оба борца с удовольствием, раскинув руки, упали в песок. Кто-то врубил двухкассетный «Shagr», и над спортивной площадкой застучал заводной ритм. Вокруг аппарата начали топтаться девчонки.

На площадку с рычанием влетел Алексей на своем мотоцикле — двухкассетника как не стало. Блин сделал почетный круг по беговой дорожке и, солидно проезжая мимо ребят, поднял свою длиннющую ногу и одновременно газанул — из-под гарцующего шутника раздался характерный звук — все смеялись. Оказавшись в центре внимания, Алексей рванул машину, поднял переднее колесо к небу, а потом, пройдя поворот, разогнался и лихо развернул аппарат с визгом колес по асфальту напротив одноклассников и встал.

— Ну че, бабоньки, кто первая? Прокачу.

Таня продолжала манерно пританцовывать, выкидывала по очереди руки вперед. Она через стучащий ритм крикнула:

— Отстой. Я на эту совковую рухлядь не сяду. Хоть бы «Ява».

— Че ты понимаешь? «Планета-спорт», — Блин еще газанул, видимо готовый сорваться, и в это время к нему сзади прыгнула Люська.

— Поехали, — и обняла его руками.

Блин был на седьмом небе. «Прощай, Америка! О-о», — проорал он и крутанул ручку газа. Завизжала крышка заднего колеса, запах жженой резины ударил в нос, а они уже летели по другой стороне беговой дорожки, и ветер трепал им волосы, и Люська жмурилась и прижималась крепко-прикрепко к Лехиной спине.

Вокруг кассетника начались танцы — прыгали, как умели. Лена чувствовала музыку, и ее движения были резкие, свободные, естественные, вокруг нее сразу образовался круг, и она выдавала соло — ритм, энергия. В какой-то момент Женька, подхваченный этим ритмом, вступил в круг, и случилось что-то непродуманное, без правил, без дыхания и стука сердца. Просто впереди были выходные и была весна.

* * *

Женька летел по ступенькам к своей квартире, перед его глазами сквозь окна подъезда догорал майский день, и двор уже темнел листвой. Он давил долго на звонок, пока дед не открыл дверь. С порога Женька увидел хмурые брови деда:

— Дед, ты че? Че случилось?

— Там, на столике, письмо.

Скинув ботинки, Женька прошел в гостиную к журнальному столику мимо Васьки.

— Привет.

— Привет, — Васька встал с дивана.

На журнальном столике белел расправленный по сгибам лист, рядом лежал разодранный узкий конверт.

Строчки незнакомого почерка, как черта, отделившая уже случившееся: нашли Саню с кольцом от гранаты на большом пальце...

Женька бежал глазами по строчкам, а в груди все оборвалось: всё, всё!!! Сашки нет.

Женька поднял глаза к окну и смотрел, смотрел в него, будто хотел увидеть Сашку, еще хоть на мгновение, на чуть-чуть, и не видел ничего — перед глазами стояли твердо написанные два слова: русские хакари.

За окном бушевала весна. Глаза у Женьки были сухие и жесткие.

* * *

Утром во вторник Женька шел по школьному двору, как всегда, подтянутый, начищенные ботинки матово чернели из-под наглаженных брюк. Он спокойно открыл высокую школьную дверь и, пройдя раздевалку, потопал на третий этаж — в класс он зашел со звонком, дежурные уже раздавали проверочные работы по математике, которые делали перед выходными. Алла Павловна сидела за своим столом и комментировала результаты:

— Проходи, Абрамов... — и, проведив Женьку долгим взглядом в спину, продолжила говорить: — Бог знает, кто из вас вырастет: Чичиковы, Молчалины, может быть Базаровы, но Лобачевскими вы, вероятно, не будете... к сожалению. Могу отметить только работы Блинова и Абрамова, — класс завозился, — успокоились, успокоились. Оценки, как вы видите, средненькие. Это была проверочная работа, но скоро будет контрольная за четверть...

Алла Павловна была тем редким уже тогда, а теперь и подавно учителем математики, которая хотела научить ребят чувствовать математику, думать не в обход, а по кратчайшему расстоянию. Для этого она подсовывала на уроках задачки из Перельмана, устраивала факультатив, говорила с классом лаконично и точно. Сама ж она была маленького роста, но всегда строгий жакет и точеные туфли-лодочки на каблучке делали ее перед классом выше всех. Последний раз я видел Аллу Павловну лет пятнадцать назад. Два уже очень немолодых человека шли по улице Мира, ступая на желтые тополиные листья. Высокий, всеми силами бодрящийся супруг поддерживал под руку маленькую Аллу Павловну — это были самые родные люди. Она опиралась на руку мужа, но все так же была пряма ее спина.

— Я еще жива, — сказала она мне.

Женька поймал Ленкины глаза, зажмурился, говоря ей «здравствуй». Суханов толкнул его плечом,

— Привет.

— Привет.

Урок пошел своим чередом, и как-то забылось, что школу должен посетить мэр города. И вот когда Алла стучала мелом по доске, разбирая возможный вариант предстоящей контрольной, в класс постучали, сразу дверь отворилась, и вошла, улыбаясь, Виктория Андреевна — директриса, а за ней в элегантном плаще нараспашку вошел Волков, за ним, перегородив дверной проем, встал крепкий парень в черном костюме.

— Здравствуйте, ребята, — радушно разведя руки, приветствовала класс Виктория.

Ребята шумно встали и с любопытством смотрели на гостей.

— Алла Павловна, вы позволите? — директриса была сама вежливость.

— Конечно, мы ждали вас, — Алла Павловна отошла к окну, уступая место учительнице директрисе.

— Садитесь, ребята, — пропела директриса.

Виктория Андреевна, когда-то учитель английского языка, была накрашенной куколкой — она очень гордилась тем, что ездила на стажировку в Великобританию, и с тех пор представляла себя английской леди и даже говорила, округляя букву «р».

— К нам в школу, — продолжила Виктория, когда ребята сели. Она сделала паузу, повернулась к Волкову, — пришел наш уважаемый Дмитрий Анатольевич, мэр города. Вы знаете, сколько полезных дел он делает для нашей школы...

— Виктория Андреевна, ну что вы. Я сам, — Волков легко скинул плащ на подставленные руки охранника, — присаживайтесь милые дамы, — он показал учителям на свободные места в классе, — Вов, садись и ты. Вот, на место учителя.

Парень в костюме отодвинул стул от учительского стола и со скрипом всех мебельных сочленений уселся.

— Я сам хочу поговорить с молодежью. Я ворвался к вам, кажется, на урок математики?

— Да, именно так, — отозвалась с места Алла Павловна.

— Извините, ради бога. Очень напряженный график, когда еще смогу. Вот смотрю я на ваши юные лица и немного завидую. Какие вы свободные, разные, может быть, дерзкие. Вы можете быть разными, вам это позволено. Помню, я учился в нашем университете, — Волков говорил и расхаживал перед доской, — как мы зажигали шейк. Вы и не знаете тех ритмов. И я вам скажу, это не приветствовалось властями. На толкучке, помню, меняли или втридорога покупали пластинки «Beatles», «Rolling Stones», «Deep Purple», — он произнес названия этих групп, как он считал, чисто по-британски. — По-разному сложилась жизнь моих товарищей. Кто-то стал успешным, кто-то исчез. Мне бы очень хотелось, чтобы у вас, ребята, все получилось. Правильно распорядившись собой, вы можете стать успешными. Мне очень интересно, чем вы живете, что вас волнует. У нас мало времени, но может быть, кто-то сможет... захочет поделиться со мной, чего он хочет добиться. А, ребята?

— Смелее, смелее, ребята, — Виктория, вытянувшись, повернулась к классу.

Класс молчал..., но тут Виктория увидела медленно поднимающуюся руку Манули.

— Разрешите поделиться? — как всегда, очень серьезно, почесав кудри и поправив очки, спросил Манн.

Директрисе было непонятно — то ли прикалывается парень, то ли всерьез.

— Встань, Манн, только давай серьезнее, — заволновалась Виктория.

— Не надо вставать, давайте просто побеседуем. Я вот тоже сяду, — Волков поставил перед собой свободный стул и уселся на него верхом.

— У меня есть конкретное предложение. Если поставить киоск с сигаретами на перекрестке улиц Мира и Леонова, рядышком тут, то неплохая прибыль будет.

Виктория стала маленькой, только уши да каштановый импортный шиньон были видны над столом.

Волков энергично выпятил губы и встал, как Муссолини.

— Неплохая идея. Там поблизости никто, кажется, сигаретами не торгует.

— Точно, точно, Дмитрий Анатольевич. Все время стрелять приходится.

Тут раздался шепот Суханова:

— Мишка, а крышевать кто будет?

А Мишку уже несло, он решил брать быка за рога. Не слушая Суханова, он продолжил:

— Вот только разрешение на установку киоска не получить, Дмитрий Анатольевич.

Волков решил не углубляться в детали городского менеджмента, но он отметил для себя этого парня. «Интересная смена», — подумал мэр.

— А зачем ты хочешь стать бизнесменом? — быстро спросил он.

— Знаете, надоело на всем экономить. Деньги дают столько возможностей. Хочу стать свободным.

— М-м, — Волков снова выпятил губы, посмотрел в потолок, — это сладкое слово свобода. Все ребята, тоталитарный режим развалился. Сейчас вы можете быть разными и свободными. Деньги, успех рядом.

Волков поднял руку и медленно сжал ладонь в кулак. Глаза всех присутствующих смотрели на этот кулак, как будто там, в кулаке у Волкова было самое важное.

— Вот успех здесь. Вы должны научиться креативно думать и действовать. Только так возможно вычищать эту страну от пережитков застойного прошлого.

Класс притих. Директриса слушала, вытянув, как могла, шею, и записывала в свой толстый блокнот. Алла Павловна разглядывала свой класс — портреты великих математиков висели за ребячьими спинами, а ребята внимательно слушали.

Волков продолжал:

— ...Коммунистическая утопия и отсутствие демократии доконали систему, но она развалилась не сама по себе. Мои товарищи и ваш покорный слуга тоже в каком-то смысле были жертвами системы и боролись с ней. Много трагических и героических событий было на этом пути. Я приведу лишь один пример, он меня особенно тронул, — Волков эту заготовочку уже не раз приводил на своих выступлениях.

— Недавно в «Комсомолке» была большая статья о капитане Саблине. Кто-нибудь читал, ребята?

Все молчали. Женька читал — дед подsunул ему номер со статьей на разворот.

— Этот отважный морской офицер 7 ноября 1975 года, только вдумайтесь, в самый расцвет застоя, распропагандировал команду, захватил корабль и направил к Ленинграду...

Женька внимательно слушал, его лицо превращалось в сосредоточенно-жесткое. Неожиданно в полной тишине класса, перебив Волкова на последних словах, он заговорил:

— Какую страну чистить-то?

Волков, находясь в демократичном образе, не обратил внимания на то, что его перебили, и в тон Женьке продолжил:

— Эту страну, какую же еще. Вы многое уже можете...

— Да ты в своем уме? Офицер нарушает присягу, а ты нам его в пример приводишь? Ты мою страну чистить собрался? — Абрамов говорил с места, как имеющий право, вбивая слова каждое на свое место.

В классе повисла звенящая тишина. Директриса опомнилась первая:

— Абрамов, встать. Вон из класса!

Женька встал, и это еще больше подчеркнуло его спокойствие и уверенность.

— Виктория Андреевна, я никуда не пойду. За этот стол, за ремонт класса платил и мой дед.

Алла Павловна встала, ее руки были прижаты к груди, она тихо повторяла:

— Женя, не надо. Женя не надо, — потом, видя, что ситуация уже несется куда-то в пропасть, она громко обратилась к Волкову: — Дмитрий Анатольевич, это мальчик...

А Виктория уже кричала, как нередко на педсоветах:

— Он просто хам! Говорит о вещах, в которых ничего не понимает.

Волков смотрел на Абрамова, все так же выпятив губы. Он понимал, что должен сейчас что-то сказать, чтобы раздавить этого мальчишку, чтобы класс оставался за ним, он искал слова. В этот момент, сбивая его мысли, снова прозвучал Женькин голос:

— Я хорошо понимаю эти вещи, — Женька смотрел в перекошенное лицо Виктории, — пацаны кровью захлебываются, страну защищая, а тут киоски, дележ. За что мне его уважать? — Женька упер глаза в Волкова, а в глазах пацана усмешка, — может быть, за бройлера, который за ним бегаёт?

Тут он выдал скрипевшему на учительском стуле парню:

— Сына, на Кавказ забздел ехать?

Парень не пошевелился, но как-то пришибленно покосился на Женьку снизу вверх — сработал рефлекс. Тон у Женьки был по-отечески командирский.

Тут Волков наконец собрал рассыпавшиеся слова, придал лицу значительность старшего товарища, но его подвижный рот непрерывно менял форму — Волков заговорил:

— События действительно трагичные, и всем нам довелось жить на изломе истории. Но мы все, ребята, любим эту страну и хотим быть в ней счастливыми. Именно это должно нас соединять, сплачивать.

— Нет, — Женька это сказал без восклицания. Короткое слово поставило точку в беседе.

У Волкова был вид человека, который готовился вещать умное, доброе, вечное, а вместо этого получил подушкой по голове. Рот не подчинялся ему, с какой-то неестественной, безвольной улыбкой Волков смотрел на Женьку, и все три поколения его интеллигентной семьи отражались в этой улыбке.

— Ну и экземпляр у вас... — лоя губы, выдавил он в сторону директрисы, повернулся на каблуках к двери. — Пойдем, — бросил через плечо вставшему телохранителю и, уже не сдерживаясь, с размаху хлестнул рукой по двери и вышел из класса. Верзила поспешил за ним, на ходу расправляя за плечи плащ. Директриса шумно выбралась из-за стола и, стуча каблуками, побежала следом, повторяя чуть не плача: — Дмитрий Анатольевич, Дмитрий Анатольевич...

Волков шел по коридору, не чувствуя пола, за ним, скрипя половицами, с плащом наперевес спешил телохранитель, директриса вылетела из класса, распахнув дверь так, что та ударила по стене, выбив ручкой штукатурку с краской. Вся красная, Виктория спешила за мэром и, когда тот был у самой лестницы, крикнула ему почти с мольбой:

— Дмитрий Анатольевич, ну постойте же!

Волков встал, повернулся, все еще глядя в пол, потом посмотрел куда-то мимо директрисы и так стоял молча, ожидая, когда она добежит.

— Дмитрий Анатольевич, прошу понять, — Виктория хватала воздух губами и говорила, — это мальчишка, дрянной мальчишка. Мы примем меры...

— Как его фамилия?

— Абрамов. Женя Абрамов.

— Абрамов, что-то знакомое, — Волков повернулся к телохранителю, — пробей его.

— Он живет с дедом. В общем, ничем не выделяется... — лепетала директриса.

Волков вспомнил, ясность появилась в его в глазах.

— М-м... Красно-коричневый. Чтобы этого парня в школе больше не было.

Мэр не намерен был больше говорить, он повернулся и пошел, уже не торопясь, по лестнице вниз.

* * *

Алла Павловна стояла молча, потом быстро подошла к двери и плотно закрыла ее, посмотрела на глядевших на нее ребят, вернулась к столу — она медлила, она думала.

— Женя, пойдем, — твердо сказала она и пошла к двери.

Они вышли из класса, дверь осталась открытой, и по коридору, удаляясь, звучали их шаги. Молчание разорвал звонок, и класс ожил.

— На фигура Абрамов вылез? Аллу и Викторию подставил. Сейчас Виктория его сожрет, — медленно, с нажимом, заговорила Таня.

Ее перебил рассудительный Манн:

— Вот кто меня за язык-то тянул. Идею сопрет, — Мануля прикалывался на полном серьезе, — ну точно сопрет, — а глаза под очками у парня смеялись.

— Этот мэр наш, он, вообще, по жизни-то кто? — спросил Пашка.

Кто-то стал говорить, что у него отец работал с ним. Кто-то сообщил, что он университетский.

— Гуманитарий задроченный, — перебил всех Блин, — стопудово бывший препод какой-нибудь истории КПСС.

— Какой ты грубый, Блинов, — съязвила Таня.

— Так он шпильку от болта не отличит.

— А все равно к нему сейчас бегают. Что вы шумите? Как дети, не понимаю. Дед у него платил — Абрамов дурак, — включился в спор парень с другого полюса.

Пашка Суханов шумно ударил каблуком по соседнему месту, где только что сидел с ним Женька.

— Спокуха, лягуха! Все болото наше. Генерал прав. To be or not to be.

Ленка сидела в этом шуме, сосредоточенно смотрела перед собой, потом схватила свой рюкзачок и выбежала из класса.

— Генерал, Генерал, — слышала она голос Тани за спиной и бежала по коридору — только бы не слышать, не говорить. Как подхваченная ветром, она неслась к лестнице, часто-часто застучали ее кроссовки по ступеням — она остановилась, когда увидела сквозь слезы табличку: «Приемная». Лена открыла дверь и вошла. Справа от директорского кабинета осваивала компьютер молоденькая секретарша — они знали друг друга по «Динамо». Секретарша выглянула из-за монитора, и ее круглые глаза сделались еще круглее, она понимающе кивнула в сторону директорской двери: «Там они. О-ох».

Лена села на стул, стоящий у стены в очереди других стульев, ее упругая спина, лебединая шея вытянулись струной, она ловила каждый звук. Шумно переставили стул, ударили стопкой бумаг по столу, потом глухой, обрывистый голос директрисы — не разобрать.

Секретарша начала поливать цветы — скорее, чтобы успокоить себя, поставила банку на подоконник.

— Лен, не жди.

Лена вышла и куда-то пошла, ноги сами привели ее в спортивный зал, она села на гимнастическую скамейку рядом со стопкой матов и беззвучно заплакала.

* * *

В директорском кабинете за огромным новым рабочим столом сидела Виктория на огромном кожаном кресле и стучала остро отточенным карандашом по столешнице — карандаш скользил между пальцев вверх, а она пропускала его обратно и ударяла снова и снова. Справа на столе стоял монитор компьютера, за спиной директрисы на стене висел портрет Ельцина и уральский пейзаж на стене слева. С каждым ударом она, как робот, повторяла в лицо ученика какие-то правила, при этом не заботясь о смысле: она думала про другое, а сейчас просто унижала Женьку, стоявшего у торца приставленного стола.

Алла Павловна стояла у подоконника слева спиной к окну — она не смогла сказать ни слова, когда они вошли, и сейчас ловила паузу, чтобы прекратить поток унижения.

— Абрамов, выйди, — громко сказала она, поняв, что это не кончится.

— Я еще не кончила, — возвысив свой металлический голос, оборвала ее директриса.

Но Алла твердо повторила:

— Абрамов, выйди!

Виктория откинулась на кожаную спинку, у нее дрожали губы, она молчала.

— Жди в приемной, — Алла проводила глазами Женьку до двери и, когда дверь закрылась, села на стул рядом с Викторией.

— Так нельзя, Виктория Андреевна. Они должны думать..., поступать. У них должен быть запас на вольность.

— Нет у них этого запаса, — Виктория все так же сидела, откинувшись на широкую спинку кресла. Алле Павловне показалось, что у директрисы блестят глаза, но это было только мгновение. Виктория продолжила: — Алла Павловна! Не будьте наивной, Алла Павловна. Произошел скандал. Вы понимаете?! — Директриса положила руки на столешницу, — кажется, скоро на пенсию, а не понимаете. Я решаю вопросы финансирования школы, я столько трудов трачу на нужных людей... — Виктория отвернулась к стене, поджала губы и после паузы посмотрела на Аллу Павловну, — у нас учатся дети очень авторитетных в городе людей, а этот в один миг все рушит. Кто он? Еще голову поднимает.

— Виктория Андреевна, мы еще и учителя. Мы для того и приходим в школу, чтобы ребятишки голову подняли.

— Только вот не надо меня учить. Не надо!

Виктория сидела набычившись, сощутив глаза.

— Пусть войдет.

Когда Алла Павловна распахнула дверь, секретарша, кажется, стала учить надписи на клавиатуре, Женька поправил ворот рубашки.

— Войди, — тихо сказала Алла.

Красная директриса повернула кресло к монитору, напряженно глядела на всем известную заставку, не обращая внимания на ученика, потом повернулась и долго, внимательно посмотрела на Женю, прямо в глаза. Этого взгляда не выдерживал ни один учитель ее школы, но сейчас она увидела, что мальчишка сам рассматривает ее, и прервала дуэль.

— Я думаю, ты понимаешь, что учиться в нашей школе ты не будешь. Речь идет только о том, с какой характеристикой мы тебя отправим. Будешь доучиваться в школе своего района.

Алла Павловна сидела в это время у стола, крепко сжимая кулачки.

— Разрешите идти? — Женька это сказал так, как это делают в армии.

— Абрамов!!! — Виктория с шумом откатила кресло назад. — Ты плохо кончишь.

— Разрешите идти? — повторил Женька.

Перед Женькой уже сидела не директриса — это была уязвленная, слабая женщина, и ей было очень плохо.

— Ничтожество. Что ты... — Виктория готова была плакать, терла пальцем столешницу, а в груди ее бухало сердце. — Молчать! Пошел вон. Вон!!!

Виктория стучала кулаком по столу так, что подпрыгивала клавиатура компьютера, потом вдруг закрыла лицо руками. Женька не видел, что было дальше — он ушел.

Алла Павловна схватила графин и, звеня о стакан, налила воды.

— Виктория Андреевна, пейте.

Виктория резко открыла ящик стола, достала бутылочку корвалола.

— Накапайте, — потом, громко глотая, она пила с закрытыми глазами. Кабинет пах лекарством.

— Ничтожество... — Виктория отрывалась от стакана, потом снова пила. — Как он на меня смотрел. Я что, помыкушка какая?

— Вы о ком?

— Господи... о Волкове.

* * *

Давно закончилась перемена, из классов, если прислушаться, звучали голоса, стучал по доске мел, школа работала. Лена увидела в окно сидящую на скамейке под зеленеющей березой Аллу Павловну, она метнулась по коридору на выход, выбежала на улицу и, запыхавшись, встала перед учителем.

— Алла Павловна, что будет с Женей?

— Женя, Леночка, учиться в нашей школе не будет.

— Как же так, Алла Павловна?

— Может быть, все к лучшему. Скажи ребятам, чтобы не бузили. Впрочем, вы сейчас такие прагматичные... Посиди со мной.

Лена присела на край скамьи.

— Где Женя?

— Я не знаю. Я думаю, он в актовом зале, — Алла Павловна повернулась к Лене, — я вот тоже доведу вас до выпускного и уйду.

— Алла Павловна, почему? Вы... вы. Я пойду к Женьке.

— Иди.

* * *

Актовый зал был пуст — ровные ряды стульев, и черный занавес складками волочился по сцене. Слышались звуки пианино — мелодия с пластинки «Машина времени» — «Скворец». Там при свете настольной лампы на пианино играл Женька. Он услышал скрип половиц и встал, Лена стояла и слушала.

— Женька, ты гений. Ты занимался фортепьяно?

— Меня мама учила... Я буду учиться в другой школе.

— Я знаю. Зачем, зачем, зачем ты все это сказал! — А сама любовалась им.

Женя взял в свои ладони ее лицо, неумело поцеловал в губы.

И в это время сзади, как всегда не ко времени, раздался серьезный голос Манули:

— Я никому не скажу.

Пацаны уже залазили на сцену. Люська деловито, даже привстав на цыпочки, чтобы было значительнее, объявила:

— Мы тут подумали. Короче, есть решение. Отец Пашки поможет. Он человек известный в городе. Тебя, Женька, знает. Скажи, Сухарь.

— Точно, батя поможет. Их завод всегда шефами у нашей школы был раньше. Не бойсь, Генерал, — подбадривал Суханов Пашка.

Блинов уселся на вертящийся стул, а Манн крутил его, хватая за плечи.

— Спасибо, ребята. Не надо ничего делать. Все нормально. Ну, перейду я в другую школу — мы же рядом, — Женька прижимал к себе Ленку и смотрел на всех своих пацанов.

Мануля запыхался крутить, встал, поправил очки.

— Точно. А Виктория английский не знает. Пошла она в жопу.

— Вот за что я тебя уважаю, Манн, так это за точность формулировок, — Пашка сказал, а сам уже с интересом наблюдал, как крутился Блинов.

Блин, пытаясь затормозить, загромыхал ногами по сцене.

— Ну Манн, щас я встану. Щас встану.

— Е... — Мануля кинулся раздвигать занавес, наконец распахнул и прыгнул в зал, пацаны побежали за ним. Они бежали по коридору мимо огромных чистых окон, за которыми шелестела весна, летели по лестнице, и топот их ног сотрясал школу, Блин таки догнал Манна и победно прыгнул ему на плечи — так они все и вылетели на крыльцо своей старой школы. На асфальте перед крыльцом Васька сидел на корточках и рисовал что-то мелом. Увидев ребят, он встал.

— Василий, а че ты тут делаешь? — подкатил к нему Суханов.

— А вот. Город нарисовал, — мальчишка посторонился, и все увидели дома с окнами и антеннами на крышах, солнце с длинными лучами, и большими, детскими буквами написано «ГРОЗНЫЙ».

— А пойдем шляться, — крикнул Суханов.

И они побежали через школьный двор, через парадную калитку на улицу Мира, а дальше в свой город.

* * *

Полковник Абрамов лежал в палате на высокой койке китайского производства, он скользил вбок по матрасу, затянутому в подобие дерматина, и периодически, через боль, хватая пальцами простынь, старался подвинуться к стене. Его голова лежала на свежей наволочке, и ему было приятно ощущать небритой щекой стиранный, отглаженный материал и запах — он вдруг первый раз после черного провала почувствовал запах и увидел крашеную стену. Майор повернул голову к окну, он не знал наверно, что там окно, но должно же в помещении быть окно, и он повернул на подушке свою голову к нему. За стеклом шел дождь, и ветер срывал листья с полуголых деревьев. На койке у простенка между окнами сидели соседи в пижамах, склонившись задумчиво над чем-то. Полковник приподнял голову и увидел через перила шахматную доску с расставленными фигурами. Тихо пела гитара, он ясно услышал скрип струн, перебираемых пальцами, и голос пел есенинское последнее: «Клен ты мой опавший». Он поискал глазами и увидел радиоточку над столом. Голова его упала на подушку, и перед глазами был только белый потолок. Полковник слушал, рассматривал неровности, дорисовывал лица. Песня закончилась, и тут подушка стала мешать, квадрат потолка давил — Абрамов повернулся на бок, через боль спустил ноги и сел — ступни не доставали до пола, голова кружилась. Абрамов закрыл глаза и, когда карусель остановилась, сказал:

— Мужики, помогите встать, — он услышал свой голос и был рад.

Ему помогли, поставили, руки товарищей поддерживали его, а он чувствовал босыми ногами холодный пол и снова радовался.

— Халат дайте.

Ему дали свой халат, помогли надеть. Он глазами искал тапки — ему дали шлепанцы.

— Дальше я сам, — он запахнул халат и медленно пошел из палаты по коридору. Товарищи удивленно смотрели в его сгорбленную спину, а дежурная медсестра не решилась его остановить, когда он проходил мимо процедурного кабинета. Он шел мимо окон, хватаясь за перила и отдыхая через каждую ступень, спустился в вестибюль, прошел мимо сидевших на стульях раненых с пришедшими навестить их родственниками, подошел к серой двери на доводчике и распахнул ее. Мокрый ветер с каплями дождя ударил ему в лицо — осень. На крыльце курили раненые, он прошел мимо них и стал спускаться по протоптанным ступеням к аллее — ему помогли. Он сам встал

на покрывающие асфальт желтые и красные листья и пошел между кленов. Моросил дождь, полковник вытирал лицо свободной рукой, топорщил смокшие волосы и шел, шел.

К крыльцу навстречу полковнику шла стройная женщина с большой сумкой и сдуваемым ветром зонтиком. Абрамов видел ее и шел все быстрее, пусть боком, стараясь не потерять шлепанцы, по листьям, по асфальту, по лужам. Женщина на мгновение остановилась: он ли? — пошла быстрее, уронила зонт и побежала к нему. Вот тут, перед крыльцом госпиталя, на глазах выздоравливающих бойцов они и встретились.

* * *

И снова была весна. Степь оживала щебетанием птиц, вертелись копры, и, как десятки Фудзиям, вздымались к голубому небу отвалы шахт. С каждым утром все победнее покрывал землю зеленый плат с узорами дубовых рощ.

Бронированный «тигр», пыля и глотая ямы и трещины, неся знакомой дорогой, уже прикрытой позеленевшей обочиной.

Вот и расположение. Проехав мимо разбитых двухэтажных домов, еще послевоенной постройки, броневик встал у здания штаба.

Полковника Абрамова ждали, его встречали, протягивали руки, обнимали, хлопали по спине — он улыбался, крепко жал в ответ руки, но сейчас он хотел того, чего ждал всю долгую зиму: видеть своих бойцов, всех их, кого оставил прошлой весной.

Нельзя было делать построение, но сейчас они сделали это — ненадолго, только чтоб посмотреть друг на друга.

Абрамов стоял перед ротами, стоявшими коробочками на площадке за штабом. Он всматривался в лица своих бойцов — просмоленные южнорусской зимой, продутые февральскими ветрами, пропахшие порохом, умные глаза, родные лица. Они изменились. О чем они думают?

Пора работать.